ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

орган министерства культуры СССР и центрального комитета профессионального союза работников культуры

Советская культура

№ 138 (2098)

1966 год СУББОТА, 19 НОЯБРЯ

Цена 3 коп.

Сегодня — День ракетных войск и артиллерии

На учениях. Подана команда «к бою!». В условиях химического нападения «противника» воины действуют быстро, слаженно. Секунда, вторая — и установка будет приготовлена к пуску ракеты. Фото Г. Шутова.

К 50-летию Советской власти

В БЕСЕДАХ С РАБОТНИКАМИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА

ЕЩЕ НА СТУПЕНЬ ВЫШЕ

А. БАРКАУСКАС, секретарь ЦК КП Литвы

В ЭТИ дни работа в области культуры ведется широким фронтом. Заметный подъем происходит в художественной самодеятельности, ставшей поистине всенародной. В ней участвует каждый десятый житель Литвы. Традиционные городские и республиканские праздники песни и танца, в которых участвуют сотни тысяч человек, превратились в радостные, надолго запоминающиеся события культурной жизни, в важное средство эстетического воспитания и идейного роста людей.

Многочисленные отряды певцов, танцоров, музыкантов сейчас активно готовятся к юбилейным выступлениям. В отличие от прежних лет в юбилейном году решено во всех городах и районах провести большие праздники народного творчества и спорта. Достойное место в репертуаре самодеятельности займет героическая тематика, отражающая великий исторический путь советского народа. Включение спортсменов в праздничные выступления наряду со спартакиадами посодействует популяризации среди населения физической культуры. Наилучшие сельские и городские коллективы завоюют право поехать в Вильнюс, где состоится финал праздника искусства и спорта.

Уже вошло в обычай проводить в столице республики смотр лучших театральных постановок. Весенний театральный фестиваль 1967 года будет посвящен произведениям, поставленным на сцене в ознаменование пятидесятилетия Октябрьской революции. На берегу Каунасского моря, где жила и творила Саломея Нерис, состоится традиционная «Весна поэзии».

Планируется очередной слет творческой молодежи. Он состоится на родине литовского пролетарского писателя Ионаса Билюнаса. Таких массовых мероприятий в нашей республике будет организовано много, и все они явятся выражением любви литовского народа к Коммунистической партии, своей социалистической отчизне, продемонстрируют перед всем миром победоносное шествие ленинских идей по Литве.

Будет сооружен памятник В. И. Ленину — свидетельство уважения и любви литовского народа к своему вождю.

Трудящиеся Литвы чтут героев войн, революций и борьбы за победу социализма. Чтобы увековечить память жертв фашизма, намечено установить монумент на месте массового истребления советских людей — в IX форте в Каунасе. К юбилею Советской власти у нас в гостях побывают все братские республики.

Большой подъем в культурной жизни, который царит ныне в Литве, объясняется тем, что республика добилась хороших успехов в сельском хозяйстве, промышленности. Мы законно гордимся, что в этом году, невзирая на трудные погодные условия, опять стали обильными закрома, что промышленность Литвы выполняет и перевыполняет планы, что ее изделия экспортируются во многие страны мира. Благодаря усилиям строителей и творчеству архитекторов в лучшую сторону меняют свой облик наши города и села. Растет и ширится работа учреждений науки и культуры. Думаем, что ощутимые результаты принесет начатый у нас всеобщий поход за улучшение культурно-просветительной работы, приведение в надлежащий порядок городов, поселков, жилищ и общественных зданий, за закладку новых парков, скверов и садов, за повышение культуры быта, в особенности сельского населения.

Все это дает возможность надеяться, что пятидесятилетие Советской власти у нас будет встречено новыми достижениями во всех областях жизни, что вся творческая работа поднимется на еще более высокую ступень.

СИБИРЬ ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ

А. КУЗНЕЦОВ, секретарь Томского обкома КПСС

Районы нашей области да и сам Томск были до 1917 года, по существу, местом ссылки. Здесь проходили знаменитые этапы политкаторжан. Но тогда же и закладывались революционерами в Сибири начала новой культуры. Многие из них вели среди населения лекционно-просветительную работу, обучали грамоте детей, которые стали теперь крупными учеными, инженерами, деятелями искусства. Память об этих самоотверженных борцах живет в сердцах сибиряков, сейчас ведутся поиски экспонатов для новых музеев. Один из таких музеев уже создан в селе Нарым — бывшем Нарымском централе.

В нынешнем и будущем году будет построено много новых дворцов культуры, особенно на Васюгане. По берегам этой необжитой реки селились когда-то первые коммуны. Коммунары корчевали тайгу, боролись с бандами, закладывали поселки. А сейчас Васюган стал крупным индустриальным и сельскохозяйственным районом. Вот о тех коммунарах, о их борьбе и рассказывает роман Георгия Маркова «Отец и сын». По мотивам романа Павел Еремин написал пьесу. Первые годы революции вновь предстанут перед сегодняшним зрителем уже на сцене театра. Готовится и ряд других спектаклей, посвященных юбилею.

Ведется большая подготовка к фестивалю самодеятельных коллективов.

ПАНОРАМА НОВОСТЕЙ

РУССКИЙ ТЕАТР ИЗ КИРГИЗИИ

СЕГОДНЯШНЕГО дня в Москве на сцене Кремлевского театра с творческим отчетом будут выступать гости из Киргизии — Фрунзенский государственный драматический театр имени Н. К. Крупской.

— С какими спектаклями приехал театр в Москву? — спросили мы главного режиссера театра заслуженного деятеля искусств РСФСР Г. Иванова.

— Мы начинаем свой творческий отчет премьерой — это «Земля» Н. Вирты. Затем будут показаны «Кремлевские куранты» Н. Погодина, комедия-сказка С. Маршака «Гори болться — счастья не видать», инсценировка повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке» и комедия А. Н. Островского «Горячее сердце».

Наше выступление в Москве мы воспринимаем как серьезный творческий экзамен, тем более, что мы являемся посланцами Киргизии, которая недавно отметила сорокалетие республики и Компартии и готовится теперь вместе со всеми братскими республиками достойно встретить самый большой праздник — 50-летие Великого Октября.

ОТЧИТЫВАЮТСЯ МОЛОДЫЕ

АЛМА-АТА. (Наш соб. корр.).

В столице Казахстана открыта первая республиканская выставка молодых художников. Обращают на себя внимание творческой смелостью в разработке темы и профессиональным мастерством скульптура выпускника Ленинградской академии художеств Т. Досмагамбетова «Амангельды Иманов», живописные полотна «Реквием» В. Кучеровского, «Мать» А. Гордеева и ряд других работ.

СЕЛЬСКИЕ НОВОСЕЛЬЯ

«К славному 50-летию Октября каждому селу, каждому аулу — новый благоустроенный клуб» — этот лозунг сейчас очень популярен в Северной Осетии.

Недавно в селе Ольгинском в торжественной обстановке открылся дом культуры. В нем зрительный зал на четыреста мест, комнаты для кружковой работы, библиотека, большой читальный зал, киноаппаратная с новейшим оборудованием.

Скоро подобные новоселья справят жители города Алагира и сел Тарского, Эльхотова, Дарг-Коха, Виноградного, Дзуарикау, Карджина.

Г. ЧЕРЧЕСОВ.

Фото Ф. Мамонтова.

СОДРУЖЕСТВО

ТБИЛИСИ. (Наш соб. корр.).

Меркурий, как известно, бог торговли, Аполлон же считается покровителем искусств. А союз свой они заключили в Тбилисском универмаге, где недавно учреждена должность художника-декоратора.

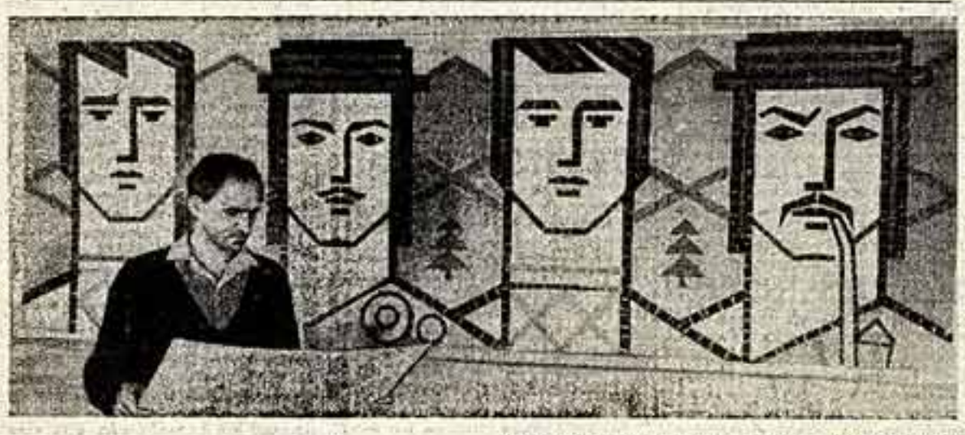
Выпускница Тбилисской академии художеств Л. Качараава внесла заметные коррективы в искусство торговать: ведь, как говорят опытные работники прилавка, уметь продать товар — значит уметь подать его. Рационально, со вкусом решен интерьер торговых залов, лаконично и просто оформляются сейчас витрины центрального универмага столицы Грузии.

ТЫСЯЧА СУВЕНИРОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш соб. корр.).

В Музее этнографии народов СССР открылась выставка сувениров Литвы. Экспонируются и изделия полиграфической промышленности — путеводители по Литве, репродукции картин выдающихся художников Литовской ССР.

Большой интерес вызывают работы резчиков по дереву. Наделенные движением, жизнью, возникают из куска дерева легкие фигурки танцующих девушек, рыбака, тянущего полные сети, персонажи национального фольклора. В экспозицию входят также изделия из керамики и металла. Особое место на выставке занимают изделия из янтаря. Сочетания необработанных граней камня с отшлифованными часто используют теперь литовские художники.



Много интересных работ к 50-летию Советской власти готовят мастера искусств Прикарпатья. В гравюрах, полотнах, скульптурах отображены и современная жизнь гуцулов, и неповторимая природа Карпат, и эпизоды из истории горцев. Известный прикарпатский художник М. Фиголь создал оригинальное мозаичное панно «Лесорубы». Оно украсит одно из новых зданий Ивано-Франковска.

Фото В. Миговича (ТАСС).

ПЕСНИ НАД ВОЛГОЙ

КИНЕШМА. (Наш корр.).

Ярко светятся в темный осенний вечер окна Дома культуры Красноволжского комбината. Из распахнутых дверей выплескивается на улицу широкая, раздольная песня. Это хор текстильщиков готовит к фестивалю самодеятельного искусства песню «Здравствуй, Кинешма», написанную местным композитором Владимиром Газаряном на слова ивановского поэта Николая Михеева. Она заняла первое место на конкурсе лучшей песни о волжском городе, проведенном Кинешемским отделением Всероссийского хорового общества и редакцией газеты «Приволжская правда» в честь 50-летия Советской власти. Всего в газете было опубликовано свыше двадцати песен самодеятельных композиторов. Многие из них готовят к славной дате музыкальные подарки.

ДЕЛА ФЕСТИВАЛЬНЫЕ

На очередном заседании бюро оргкомитета Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства, посвященного 50-летию Великого Октября, обсуждалась работа пресс-группы фестиваля. Руководитель пресс-группы главный редактор газеты «Труд» А. Субботин охарактеризовал работу по освещению фестиваля газетами, радио, телевидением.

Был решен ряд организационных вопросов: утверждены эскизы значков и жетонов будущих лауреатов и участников заключительных этапов фестиваля, намечена повестка дня ближайших заседаний оргкомитета и т. д.

Вела заседание бюро заместитель председателя оргкомитета фестиваля секретарь ВЦСПС Т. Николаева.

на кинематографической орбите

В кинотеатрах столицы начался ПОКАЗ ФИЛЬМОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ 25-ЛЕТИЮ РАЗГРОМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ. Демонстрируются лучшие художественные и документальные ленты о Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровских захватчиков. Фестиваль продлится до 15 декабря.

* * *

Вчера в московском кинотеатре «Россия» состоялась ПРЕМЬЕРА цветной широкоформатной КАРТИНЫ-СКАЗКИ «ТРИ ТОЛСТЯКА», поставленной по мотивам книги Ю. Олеши на «Ленфильме» режиссерами А. Баталовым и И. Шапиро. Роли исполняют Лина Бранните, Петя Артемьев, А. Баталов, Рина Зеленая, А. Орлов, П. Луспекаев, В. Никулин, Б. Ардов, В. Сергачев и другие. Главный оператор С. Шахбазян. Художники В. Маневич и Н. Каплан. Композитор Н. Сидельников.

Сегодня в кинотеатре «Мир» состоится ПРЕМЬЕРА широкоформатной художественной КИНОКОМЕДИИ «КОРОЛЕВСКАЯ РЕГАТА». Лента, рассказывающая о советских спортсменах, поставлена режиссером Ю. Чулюкиным по сценарию Б. Васильева, С. Листова, К. Раппопорта на студии «Мосфильм». В главных ролях заняты Н. Кустинская, В. Смирнитский, А. Грузинский, А. Ханов, Г. Кулинич, А. Потапов, Г. Болибок. Главные операторы Г. Шатров и П. Сагуновский. Главный художник Д. Бивинский. Композитор М. Зив.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ СОВЕТСКОГО БАЛЕТА

С 26 ноября по 5 декабря в Ереване проводится первый всесоюзный фестиваль «Молодежь советского балета». Его организаторы — Министерство культуры СССР, Министерство культуры Армянской ССР, Государственный академический театр оперы и балета имени Спендиарова.

Цель фестиваля — показ достижений молодых солистов балета оперных театров. В нем участвуют артисты четырнадцати театров страны.

Большой театр Союза ССР на фестивале представляют Е. Максимова, В. Васильев, Н. Сорокина и Ю. Владимиров; Музыкальный театр имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко — В. Ермилова и В. Тибаева; Театр оперы и балета имени С. М. Кирова — А. Осипенко и А. Нисневич; Театр оперы и балета имени Ахундова посылает окончивших в этом году Бакинское хореографическое училище молодых артистов Ч. Бабаеву и В. Плетнева. Оперные театры Новосибирска и Свердловска будут представлять Ф. Кейдани, Н. Долгушин, Н. Меновщикова, Н. Ильченко и Н. Гуськина; Харьковский и Львовский оперные театры — С. Колыванова, Т. Попеску, Г. Сахновская и Г. Исупов. В большом празднике балета принимают участие также представители оперных театров Риги, Ташкента, Душанбе и других городов.

Что же увидят в течение десяти дней любители хореографического искусства Армении?

В «Лебедином озере», «Жизели», «Спартаке» и «Дон Кихоте» основные партии будут исполнять посланцы разных театров и разных республик. Причем если в первом акте «Жизели», например, ведущие партии танцуют солисты одного театра, то во втором акте этого же балета танцуют уже другие исполнители.

Помимо четырех спектаклей, ереванские зрители увидят ряд концертов. Наряду с русской и зарубежной классикой в репертуаре фестиваля будет широко представлена музыка советских композиторов — Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, Э. Оганесяна, К. Караева, А. Меликова и других.

Участники фестиваля проведут также большие концерты в Ленинакане, Кировакане, с творческими отчетами выступят перед тружениками сельского хозяйства, воинами, рабочими промышленных предприятий. Десять дней в Ереване будут днями больших дружеских встреч и творческого общения молодых артистов советского балета.

ДНИ КАЗАХСТАНА В МОСКВЕ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

НА ПОРОГЕ пятидесятилетия Великого Октября в Москве проводятся дни культуры Советского Казахстана.

И поэтому особенно значительны выступления на московской сцене мастеров казахского искусства, в том числе таких выдающихся художественных коллективов, как Государственный ансамбль песни и танца Казахской ССР и Государственный оркестр народных инструментов имени Курмангазы.

Оба эти коллектива достаточно хорошо известны как в СССР, так и за рубежом. Выступления этих ансамблей стяжали им всенародное признание и славу.

Ансамбль песни и танца, детище казахского народа, мне приходилось видеть и слышать неоднократно, и всегда его изумительное искусство вызывает истинное наслаждение и восхищение.

Вокально - хореографическая композиция «У подножья Ала-Тау» (музыка Байкадамова), знаменитая «Сарыарка», или «На привале», покорившая миллионы зрителей и СССР, и за рубежом, и наконец «Вечер на джайлау» — все это плоды замечательного творчества выдающегося режиссера-хореографа Лидии Чернышовой и всего творческого коллектива. Организатор и бессменный руководитель ансамбля Лидия Чернышова принадлежит к блестящей плеяде творцов ансамблевого искусства, искусства уникального, рожденного в годы Советской власти. Упомянутые выше работы Чернышовой стали своеобразной классикой в этом жанре вокально-хореографического искусства. Новая работа Лидии Чернышовой и ее ансамбля — хоровод «Золотое зерно», посвященный героям битвы за миллиард пудов казахского хлеба, в талантливом исполнении женского состава, танец ковровщиц и вышивальщиц в том же составе с грациозными солистками Р. Исламгалиевой и Р. Багдаулетовой.

Содержание искусства ансамбля — это содержание жизни возрожденного казахского народа. И своеобразные «малые» народные оперы, поставленные и сочиненные Чернышовой, — это подлинные жемчужины народного искусства.

Столь же интересно искусство оркестра имени Курмангазы, руководимого Шамгоном Кенгалиевым. В его репертуаре — народные песни и советская и мировая классика.

Необычность звучания народных инструментов, исполняющих, к примеру, увертюру к «Свадьбе Фигаро» Моцарта или к «Севильскому цирюльнику» Россини, показывает неисчерпаемые возможности этого самобытного коллектива.

Приходится сожалеть вместе с тем, что прославленные коллективы выступили с весьма ограниченной программой, не раскрыв на этот раз москвичам свои колоссальные репертуарные возможности. Тем не менее перед взыскательной музыкальной Москвой еще раз ярко сверкнули жемчужины национального казахского искусства.

Михаил ВЕРШИНИН.

ПОМОЩЬ ФЛОРЕНЦИИ

Тридцать шесть часов ливня и несколько дней наводнения нанесли тяжелый урон культурному наследию Италии. Повреждены работы Донателло, фрески Орканьи, Таддео Гадди, Паоло Учелло, знаменитая Галерея Уффици, Капелла Медичи, затоплены грязью тысячи бесценных томов Национальной библиотеки — это только начало печального списка, и никто пока не может сказать, как злиянен он будет.

Сотни шедевров живописи, скульптуры, тысячи старинных фолиантов, извлеченные из грязи и воды, нуждаются в немедленной помощи. Необходимы материалы и чуткие, знающие руки — иначе намокшие полотна, слипшиеся от грязи уникальные рукописи погибнут. Огромный урон понесли и жители пострадавших городов, оставшиеся без крова, воды, электричества. Кроме того, над ними нависла сейчас угроза эпидемий.

Ряд советских общественных организаций и городов, обеспокоенных судьбой великих памятников человеческого гения и бедственным положением тысяч людей, направляют материальную помощь пострадавшим. С Внуковского аэродрома специальным рейсом вылетают в Италию самолеты, нагруженные медикаментами и продовольствием. Этой помощи с нетерпением ждут в Пизе, Флоренции и других городах, жители которых предпринимают героические усилия, спасая произведения искусства.

ФЛОРЕНЦИЯ. (Соб. инф.).

На снимке: флорентийские студенты разбирают спасенные тома Национальной библиотеки.

Семь домов Тимановки

ЧОМУ ХЛОПЦІ НЕ СПІВАЮТЬ

Белостенная хата с соломенною кровлей прославлена украинским и русским искусством. Нынешняя статистика сельского строительства числит ее в графе вчерашнего дня как знак отсталости, подлежащей скорейшему преодолению. Пройдет время, и Тимановка если не сроет последнюю старую хату, так отведет ее под музей народного быта.

Но такова уж сила искусства, что даже на плетень сегодня мы взираем потеплевшими глазами. Кисть Крижицкого и Крамского опоэтизировала его. Конечно, не из себя самой живопись извлекла поэтизацию былого крестьянского жилья: ее теплые тона обогреты дыханием многих поколений, которые слепили и выбелили эти стены, покрыли их соломой, обвели вокруг жилища плетеную ограду.

Мы справедливо считаем чуждо нового драгоценным качеством труженика, организатора хозяйственной, культурной деятельности. Но было бы дико бахвалиться незнанием ушедшего уклада жизни. Отзывчивость на все, что составляло художественную сторону старокрестьянского быта, не принижает, а только ширит душу советского человека. Разваливают хату, чтобы поставить на ее месте благоустроенный дом, но в этом доме будут звучать гоголевские строки, будут висеть на стенах репродукции пейзажей Орловского и Куинджи.

Не постесняемся признать, что соломенную крышу умели поднять так расчетливо и ладно, так затейливо выложить снопики по ее ребрам и по гребню, как не всякий типовой проект вычерчивает железные покрытия домов культуры. В Тимановке по сегодня ценятся мастера этого дела — колхозный вздовой Порфирий Козорез, например. Приглашают подновить кровлю, а бывает, и новый дом подвести под солому, когда не раздобудут железа, черепицы или не осилят расходов.

Доныне в обычае веселая окраска стен. Я видел дома, у которых пары противоположных стен обработаны в два цвета. Стены гладкими не делают, подмешивают шершавый шлак. В комнатах поверхность стен мелкозернистая — отсеянный песок да мучицы немного... Самый современный интерьер!

Возвращался я как-то в колхозную гостиницу. Вечерело. И без того не шумно в деревне, а тут вовсе тишина отстоялась, будто хлопотливый день и ровная ночь договорились обойтись без пререканий при сдаче смены. Я шел на закатную сторону; низкие желтые спицы солнца протыкали листву дальних тополей. И тут вплыла в лучевой ореол такая славная хатка, что пришлось остановиться и перебрать все ее показатели, как при заполнении анкеты.

Соломенная крыша была удивительно стройной, стены — белейшими, вдоль передней стены головки осенних цветов разноцветно темнели. За стеклом небольшого окошка можно было различить край пестрого рядна. Эта ткань, явно домашней работы, и поманила меня в дом. Я постучался к незнакомым людям (на что в городе не всегда решишься даже при наличии корреспондентского билета).

Ганна Скульская и ее мать живут здесь одни. Девять лет назад умер отец Ганны — Матвей Николаевич. Всю войну он был сапером. Вернувшись, так умело управился с соломой, что кровля двадцать лет нетронутая простояла. Начала протекать — подновили заодно и всю хату. Конечно, в новых домах удобнее, и нет такой опасности пожара. Но пока-то жить надо тут.

У Скульских можно проследить на обиходных предметах судьбу крестьянского искусства. Мать Ганны, Мариянна Тихоновна, показывает мне рушник. Время вытемнило его, а «курочки» пламенеют, словно вчера вышиты. На стенах в деревянных рамках «снятая с листа» вышивка, это работа Ганны; скучноватые розы, произрастающие на всех широтах.

Мать: «Еще с десятого класса дочка начала вышивать себе рубашку, а потом — раз! Портьеру из рубашки зробила».

Дочь: «Наш колхоз передовой, рубашек вышитых не носят. В сельмаге материалу — на выборы».

Мать: «У меня станок сохранился, отец ткал. Шерстяному ряду, вон у окна, сорок лет».

Она приносит кусок полотна, которое пойдет на коврики и покрывала. Сновала нитку сама, сама красила пряжу и рисунок придумала, а работу же отдавала глухонемому Спиридону Горохоминскому: он и ткет, и пачки кладет. Взял 8 рублей, а тут 16 метров (он-то еще на ершик считает). В Тимановке, помимо Горохоминского, ковры делает не домашнем станке Александра Волошина.

Раскатили цветное полотно по полу, и я сразу пожалел, что нет в новом дворце культуры ни тканья, ни вышивки местной, а еще больше — о том, что не собрана колхозным художественным музеем его основа: коллекции крестьянского костюма, изделий былых ремесел (Тимановка особо славилась вышивкой).

Недавно на колхозные деньги заказали костюмы для танцоров — такие, «чтоб ничего старого не было». Я спросил, почему решили так, у Гали Галькевич, секретаря комсомольской организации. Галя рассказала, что раньше перед выступлениями за полным набором костюма приходилось бегать по всему селу. Танцевать в «запасках» (юбках старого покроя) и в сапогах было так тяжко, что из клуба домой шли босиком...

Создать эстрадный костюм на основе народного кто Тимановке поможет? Кто объяснит дворцу культуры и музею их обязанность всячески противиться тому, чтобы обрывались нити между молодыми душами и родной художественной почвой?

Скульская-мать сберегла живое эстетическое чувство.

В Скульской-дочери, сотруднице колхозной бухгалтерии, заочнице пединститута, заметно поослабло это чувство.

Не мудрено! Когда в «старье» зачисляют все, без разбору, крестьянские традиции; когда отталкивание от условий сельской жизни пересиливает естественную привязанность к месту, где ты родился, учился, возмужал, тогда не только падают трудовые ресурсы села: художественно-эстетическое сознание его расшатывается.

— Ты, мама, уже стара, а мне жить и жить.

Так говорил Ефросинье Савичке Нагорянской ее сын Михаил.

Нагорянская была звеньевой в знаменитую пору пятисотниц. В войну у нее родился сын — двумя месяцами позже гибели мужа.

Дом Нагорянских тих. Ефросинья Савичка хлопочет по колхозным делам, Михаил во Львове учится. На спящих кабелей. До этого он в свои 22 года выучился на тракториста, на шофера, на киномеханика. В шоферской кабине, в киноубудке неплохо (он и работал!), но ведь это Тимановка!.. «Ты, мама, уже стара, а мне жить и жить».

Психологически-точным отражением двух сил — отталкивания и притяжения к родному селу — показалось мне письмо Михаила:

«Здравствуйте, мои родные! Вот уже пишу Вам третье письмо, а ответа нет, что там дома, то я не знаю, може кто-нибудь из вас заспав, чи що?.. Ну, что же написать про себе? Ничего такого нет, живу по-старому, учусь непогано, уже имею по трем предметам 5.

Видел недавно кино про нашу Тимановку, помните, снимали? Вот картина и вышла. Ну, я рассказал хлопцам, какое наше село и колхоз.

Мама, напишите, кто из наших пришел из армии. Опишите, как праздновали День колхозника, как было открытие Дворца культуры и премировали ли хого?

Передаю привет всем, пишите поскорее».

В Михаиле Нагорянском Тимановка потеряла не только шофера и киномеханика, но и гармониста, и певца.

— Может, потому и не поют на улицах, что повыехали все затейники! — размышлял, беседуя со мной, ночной сторож Петр Ананьевич Яремчук. — Но кто остался, и те не поют. Сдается мне, тут дело во мнении. Ого, какая это сила — мнение! Теперь у них, у молодых, считается, что некультурно вечерами петь на улице, стыдно, мол.

— Бывало и так, что осуждали у нас уличное пение, на вечеринцы смотрели косо, — ищет свое объяснение молчащей улице Оксана Моисеевна Белоконь, учительница тимановской школы. — Народные обычаи живучи, но можно и их потеснить! Как свадебный обряд, например. Я выходила замуж за тракториста, отец у него член партии, и все мы люди сознательные, а меня предупредили-таки, что учительнице надевать фату нельзя и из музыки допустим один аккордеон... В моем родном селе Рачках было два привычных места гуляний. С одного конца села песня, с другого. Соперничали. К кому придут парни из Коровайны и Хвостовцов — соседних наших сел, тот побеждал. В Тимановке я еще застала уличную песню. Теперь и вправду стыдятся ее.

...В первом письме из Тимановки рассказывалось о намерении председателя колхоза «заглушить» (закрыть для транспорта) участок улицы возле дворца культуры, залить асфальтом, чтобы доярки приходили сюда «на карандашках». Быть может, тут и возродится уличная хоровая песня?

Каким преображенным ни явится былой обычай, надо теперь же отвоевывать у лихих «мнений» старинную красоту села.

Все подлинно прекрасное в народном искусстве морщин не знает, только пыль равнодушия скрадывает грань его от нас на годы.

Нет, не верю, чтобы смолкла улица хоть в одном твоем селе,

Украина, мать родная,

Песня-Украина!

И. РОТИН,
спец. корр. «Советской культуры».

Тульчинский район
Винницкой области УССР.

Продолжение. Начало см. в №№ от 1 и 10 ноября.

ОТ КОМИТЕТА ПО ЛЕНИНСКИМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕМИЯМ СССР В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И АРХИТЕКТУРЫ

Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР извещает, что прием работ на соискание Ленинских премий 1967 года заканчивается 15 декабря с. г. Принимаются работы, опубликованные до 15 июня с. г.

Комитет начал прием работ на соискание Государственных премий СССР 1967 года. Принимаются работы, опубликованные до 1 августа с. г. Прием кандидатур производится до 20 января 1967 года.

Выдвинутые работы должны соответствовать требованиям постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, опубликованного в печати 5 октября с. г. Порядок выдвижения и оформления кандидатур на соискание Государственных премий СССР такой же, как и на соискание Ленинских премий.

По всем вопросам, связанным с выдвижением и оформлением документов, обращаться в Комитет по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры по адресу: Москва И-51, Неглинная ул., 15, тел. Б 3-44-87, Б 3-19-30.

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ:

● ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ СЕЛА ● СНОВА О МУЗЫКЕ ВОКРУГ НАС

50 ОКТЯБРЬ
Фестиваль самодеятельного искусства

ДЕКАДЫ, СМОТРЫ...

ПОДГОТОВКА к Всесоюзному смотру художественной самодеятельности стала серьезным экзаменом для культпросветучреждений Запорожской области. Нет сейчас на Запорожщине ни одного мало-мальски опытного художественного коллектива, который не взял бы шефство над новичками или «отстающими». Дом культуры «Запорожалюминстроя» помогает самодеятельности Червоноармейского района, Клуб металлургов — Приморского, Дом культуры имени Горького — Веселовского... Шефы закреплены за каждым из районов. Активное участие в оформлении клубов и домов культуры в селах принимают областное отделение Союза художников Украины и Запорожская детская художественная школа.

В областном управлении культуры нашему корреспонденту показали план-календарь мероприятий, посвященных 50-летию Октября. И каждое из них — своеобразная репетиция перед крупнейшим за полвека творческим отчетом любительских художественных коллективов страны. 13 января артисты народных театров примут участие в театральной декаде, а киноманы — в фестивале лучших кинофильмов. На следующий месяц в творческий «спор» вступят хоры, оркестры, танцоры, самодеятельные цирковые группы, агитбригады и чтецы. А дальше — «Запорожская музыкальная весна» и выставка произведений самодеятельных художников и народных мастеров под девизом «Широким шагом — в коммунизм». И, наконец, телевизионные рапорты всех районов по итогам объявленной в области трехлетней эстафеты культуры. А там — Киев, участие в республиканском соревновании...

Широко шагает по земле Запорожья смотр народных талантов.

ЗАПОРОЖЬЕ. (Наш спец. корр.).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЭТО КТО ЖЕ ГЕРОСТРАТЫ?

На протяжении ряда месяцев «Советская культура» вела рубрику «Музыка вокруг нас», под которой печатались материалы о музыкальном быте. Речь в них шла о той разнообразной музыке, которая повседневно окружает нас, звучит из репродукторов и транзисторов, исполняется в ресторанах, кафе и на танцплощадках, дома, в кругу друзей.

Музыка эта скромна, подчас незаметна, но роль ее в формировании художественного вкуса миллионов людей велика. Об этом свидетельствует живейший отклик, который вызвала статья Н. Вайнонена «Герострат», вновь затрагивающая вопросы нашего музыкального быта.

Сегодня мы публикуем первый из поступивших откликов — статью журналиста В. Орлова. Кое-где его аргументы далеко не бесспорны. Весьма спорно, в частности, проскальзывающее у В. Орлова противопоставление классической музыки и лучших образцов народного песнетворчества современной эстрадной песне. Вольно или невольно оно приводит к ограничению нашего музыкального быта одним жанром, одной сферой эмоций и образов, одним стилевым направлением.

Статьи В. Орлова и Н. Вайнонена ясно показывают, что далеко не все еще благополучно в музыке, звучащей вокруг нас, что необходимо вновь привлечь к ней внимание общественности.

В ближайших номерах мы предполагаем возобновить систематическую рубрику «Музыка вокруг нас» и будем благодарны всем читателям, кто откликнется на нее.

С САМОГО НАЧАЛА, чтобы не было недоумений, я должен извиниться. Извиниться перед хорошо знакомой мне, можно сказать, родной редакцией за немного остраненную и «чужую» форму письма. Я должен извиниться за эту официальную форму и перед знакомым и уважаемым мною человеком. На самом деле, не было ли проще подойти в коридоре и потолковать?

Нет. Нельзя было. Ибо, как мне кажется, вопрос приобрел уже некое общественное значение. Ибо статья Н. Вайнонена «Герострат», опубликованная в № 135 «Советской культуры», является логическим итогом, самым что ли ярким всплеском той странной и односторонней, той очень эмоциональной и, увы, очень неубедительной критики, которая нет-нет да и выйдет на страницы наших газет. Критика эта касается сложных вопросов музыки эстрадной, а также музыки бытовой — музыки, я бы сказал, ежедневно-насущной.

Я не напрасно написал: «кажется». Вот именно: не задумывается, не разбирает, а кается вторично, непродуманно, лихо и почти всегда больно. Очень характерен в этой связи один пассаж в статье Вайнонена. Суть вот в чем. Провожают в армию наших ребят. Я видел, как это делается и в городе, и в деревнях. Ребята всегда поют. Одни лучше, другие — хуже. Некоторые — «на взводе». И это можно понять. Это, пожалуй, первое «взрослое» деяние, дозволяемое им. Заметьте, что и прохожие, и милиция в эти дни добро и снисходительно поглядывают на раскрасневшиеся юные лица, не тронутые бритвой. Они понимают, что, как ни говори, ребята волнуются. Через три года они вернутся новыми людьми, а пока...

А пока один откровенно грустит, прощаясь с мамкой. Никого-то в жизни он еще не видел, никого не было ближе. Другому, наоборот, весело, как д'Артаньяну, едущему в неизвестное и сверкающее будущее. Сотни разнообразных мыслей у ребят, сотни ответных мыслей у провожающих, но кому же в этот момент придет в голову устроить скандал, испортить парням последние минуты прощания с домом?

Никому — кроме литературного героя Вайнонена. Читайте: «У нас на третьем этаже тоже провожали в армию. С балкона низвергался пьяный рев под гитару. В первом часу ночи я не выдержал и пошел устраивать скандал. К сожалению, так и написано. Не поговорить, не понять, а — устраивать скандал.

Я остановился на этом пассаже, не имеющем отношения к собственно вопросам музыки, потому что он очень характерен и точен по тону. Именно таким обиднымтоном подчас пишут у нас вообще о поющих и о том, что они поют. Этакие, действительно, оксфордцы из Волоколамска, которых коробит от первых звуков «Черного кота»! И не так ли иной раз стараются устроить скандал там, где надо разобраться и подумать?

...Истина заключается в том, что весь мир поет. Поет, идя на работу и идя с работы. Поет, сидя в кафе и бродя с гитарой по набережной. У нас поют, правда, меньше. Но совсем не гордость, а жалость вызывает тот факт, что хорошие наши ребята меньше звенят песнями, чем румынские и итальянские. Что до сих пор мы с тупым жлобским подозрением относимся к веселым компаниям с гитарами, путая их с хулиганами без гитар.

Истина заключается в том, что весь мир поет. Значит, надобно заинтересованно и пристрастно разобраться: что же люди поют? Но тут, мне кажется, нужна большая мера и понимания, и широкого, а не сектантского вкуса, и главное — ясное чувство того, что мир изменился. Изменились мы. Изменились критерии. Лет пятнадцать назад в одной статье писалось о безголосой кривляке, неизвестно почему очаровавшей Париж. Недавно мы со слезами провожали вместе со всем миром великую Эдит Пиаф...

Мы все больше слышим, мы многое принимаем. Мы понимаем, что нужна эстрада, нужен джаз и нужна бытовая песня. Мы, кстати, начинаем понимать, что это вещи разные. Сегодня Эллингтон — уже не ругательство. Сегодня мы аплодируем Иоанне и Марьяновичу с их откровенно развлекательным эстрадным репертуаром, который лет пятнадцать назад обязательно обозвали бы кабацким. Сегодня мы разбираемся в разнице между легкомысленной «Лягушечкой» Лемарка и напряженным трагизмом песни Жака Бреля, но, между прочим, принимаем и то, и другое.

И только в отношении «отечественного производства» у нас в статьях нет-нет да и промелькнут бездумные запретительные тенденции. Всплывут приказные интонации той, скажем, давней статьи, из-за которой практически погиб талантливый молодежный коллектив ЦДРИ, оставивший ныне звонкие имена Майи Кристалинской, Юрия Саульского, Георгия Гаранянa.

Но ведь мы не задумались всерьез: а почему все-таки люди поют? Почему, несмотря на бумажные громы иных критиков, мурлычут и легкомысленные, и просто веселые песенки, вовсе не наполненные таким уж глубочайшим содержанием и мудростью?

Людям нужна простая мелодия, незамысловатые и веселые слова, дабы петь их вполголоса, если хотите, просто мурлыкать. Это еще чуть-чуть поднимает настроение, это дополнительный тонус для вашего сегодняшнего хорошего вечера. Люди, насвистывающие хораны, в наше время — музейная редкость. Это давно понял весь мир. Пресловутый «Черный кот», мелькнувший однодневкой, и был нужен, как такая безобидная однодневка. Но зачем же воспринимать каждую однодневку как личного врага? Смешной сюжетец, мастерские веселые словечки — что в этом плохого? Ну, а вот что касается высоких размышлений в гармонии и заукоряде, то, во-первых, человеку, насвистывающему, напевающему, они в этот вечер, честное слово, чужды. Во-вторых, мы давно убедились, что сложные песни не идут — не идут хотя бы потому, что популярность есть еще и доходчивость.

Зачем бояться песенок, шарахаться от танцев! Их пели и будут петь, танцевали и будут танцевать. Будут петь и танцевать строители Братска, покорители целины, ребята, уходящие в армию, из которых ни одного эти песенки не толкнули на плохое дело. Воспитание — сложный вопрос окружающей жизни, среды, людей, книг, взглядов, а никак не одной несчастной песенки. Нужно прививать людям высокую культуру в окружающей жизни, в концертных залах, на лекциях, по телевидению — но, идя по улице, бреясь, садясь в автобус, даже академик будет напевать что-нибудь легкое, что-нибудь попроще, потому что и это ему нужно!

Понять надо, что человеку в его бытовой жизни, кроме высокого, необходимо еще обыкновенное и повседневное, как, кроме Сикстинской мадонны, ему еще нужна керамиковая вазочка в квартире — и он никогда не будет ценить их по одной мерке. А значит, нам нужны не только пугающие откровения насчет того, что какой пепел ворошила кочерга, но и обыкновенные, повседневные песенки. И, значит, не нужно шарахаться от каждой из них и прикладывать к ним хорошие мерки, а попросить, чтобы их было больше, чтобы их качество гарантировалось высоким званием советского композитора. Люди все равно будут петь и мурлыкать. Не будет «Королевы красоты», будут петь и мурлыкать «Девойку малую», а вот она уж действительно, малость пошлевата...

Статья Н. Вайнонена не понравилась мне именно этим отрицанием обыкновенного, этим несколько снобистским отношением к живой жизни и живым людям, которое невысказанно сквозит в подобных статьях. Они бесполезны тем, что все ругают — и не задумываются, что бы предложить взамен. Они несостоятельны тем, что живая жизнь давно прорвалась, захлестнула быт и эстраду и идет своим чередом. Вот Н. Вайнонен грустит оттого, что его дочь поет «Любовь — кольцо». Он даже называет песню пошлятиной. Осторожнее! Композитор Ян Френкель, молодой поэт-песенник М. Танич с карандашом в руках докажут вам, что слова этой песни и морально чисты, и профессионально сделаны, а музыка — что ж, музыка шлягерна. И это не оскорбление. Помните знаменитую песню Монтана «Мари-Визон»? Разве не похожа по духу, даже по мелодике? Так почему же мы принимали ее? Вот и выходит, что мы зачастую взахлеб хвалим «иностранных гостей» с их «задорными» и разнообразными программами», а своим не прощаем ни задора, ни самой что ни на есть элементарной доходчивости...

Так обстоит дело с музыкой бытовой, создаваемой сегодня для людей профессиональными композиторами. Но есть еще бытовая музыка, непрофессиональная, музыка дилетантов. Почему она распространилась в последнее время? Не заполнила ли она некую логическую пустоту?

Я согласен с Н. Вайноненом, что «Чемоданчик» — не лучшая песня из самодеятельных. Но ведь есть и лучшие — это, во-первых. А во-вторых, чем нападать на заведомо плохое да повторять примелькавшиеся слова насчет того, чтобы «восстать против грубости, высмеять пошлость», — не лучше ли прежде всего задуматься? Зачем оно нужно людям, самодеятельное творчество, куда идет, как направить его к целям благородным и светлым? Огромная тема — нынешние трубадуры да менестрели, а пока только «Литературная газета» напечатала пару статей, где пришла к выводу, что есть песни хорошие, а есть плохие — и все тут.

Но ведь оттого, что мы в десятый раз кинем людям — хорошим людям! — бездоказательное и обидное словечко «герострат», завтра не замолкнут тысячи туристов, десятки тысяч влюбленных, миллионы молодых и певучих ребят на нашей земле. Не лучше ли опять-таки подумать о них, поискать мозгами, попытаться помочь?

В этом все дело. В причастности и доброте, в тревоге и заинтересованности. Будь они, и направление статьи Н. Вайнонена было бы другим. Будь они, и сопоставления, и рекомендации были бы другими. Ведь, простите меня, нет ничего нелогичнее, чем «контрастное» описание Н. Вайноненом девочки, которая пела в хоре, а потом вышла на улицу и тоже запела. В первый раз девочка выступала в ответственном концерте, пела, видимо, серьезный репертуар, она была в процессе творчества, и творчества недюжинного — и оттого, как в общем-то верно пишет Вайнонен, у нее виделись некие «крылья» за спиной». Все правильно. А потом девочка вышла и замурлыкала «Кота». Другое настроение, другие эстетические требования к самому себе, другая задача...

Ну, хорошо. А вы, скажем, задумывались, каков лицо было у Блока в тот час, когда он писал «Скифов», и в тот, когда с удовольствием спешил в кинематограф?

Я совершенно согласен с Н. Вайнеоненом в том, что нужно поощрять и развивать традиции хорового и в том числе застольного пения, которые у нас основательно подзабыты в силу многих причин, а, скажем, в Грузии до сих пор удивляют и радуют людей. Но развивать их нужно, очевидно, в новых условиях, в новую эпоху по-новому, а не оглядываясь на тех же, вековой давности, тургеневских «Певцов». Догма никому еще не помогала. Это первое. А второе и главное — разве это одно покрывает все вопросы бытовой музыки, все потребности молодого, многомиллионного населения и деревни, и города? Да у него, пожалуй, и на так много времени на «посиделки»!

Вопросы бытовой музыки гораздо шире и сложнее. В разные моменты человеку нужно разное. Это совершенно не унижает одного за счет другого, не унижает, скажем, эстрадную песенку за счет серьезного гражданского произведения, простую «одноклеточную», ту же гитарную мелодию за счет полифонического народного хора.

...В нашем музыкальном быте еще очень многое не решено. У нас профессиональные композиторы давних пор спорят, правомерен ли шлагер и не унижает ли он славного консерваторское образование. У нас едва ли не самые худшие по музыкальному обслуживанию рестораны, ибо ресторанный джаз призван помогать людям разговаривать, а наши громобойные агрегаты только мешают. В нас встречаются подчас вовсе убогие танцплощадочки. У нас скучнейшие музыкально-развлекательные программы по радио, по тому же «Маяку», где на полном серьезе, как современное произведение, вдруг подносят изысканное танго или дореволюционный марш. У нас люди еще не научились пользоваться транзисторами — подлинным микроэстетическим благом, в печати уже пошли странноватые противопоставления транзисторов тому же органу Домского собора.

Вот об этом обо всем нужно писать и думать. Да, еще нужно учить людей петь и слушать музыку. Но прежде чем учить — выйти к ним с открытой душой, понять их — понять их истинно сегодняшние требования и заботы, научиться сочувствовать им и сопереживать с ними.

Вот, собственно, все, что мне хотелось сказать не на ушко, не в редакционных коридорах, а в письме в давно знакомую редакцию, знакомому, уважаемому мною и талантливому журналисту.

Виктор ОРЛОВ.

реплика

ДЕРЕВЯННЫЕ РЕБЯТКИ

ПОМАШЕМ кулаками до драки. Или, может, уже поздно? Неужели тысячи заведующих клубами и домами культуры уже приняли на вооружение эти куплеты, эти остроты? Неужели тысячи новогодних балов пройдут именно так, как рекомендует журнал «Культурно-просветительная работа» в своем десятом номере?

«Скоморохи — это известная старинная форма затейничества, — сообщается в начале пространной рекомендации, автор которой пожелал остаться неизвестным. — Это самые веселые и разудалые заводилы и танцоры, у них острый язычок, самые неожиданные затеи и шутки. На новогоднем вечере в роли скоморохов выступают массовики».

Что верно, то верно. Шутки у них неожиданные. Читаем:

«А вот уже скоморох около группы молодежи, только что снявших пальто:

— Милые гости! Вам низкий поклон. И отличный бальный одеколон.

(В руках у него огромная бутылка с пульверизатором, скоморох нажимает на грушу, и вместо одеколона из пульверизатора вырывается дымное облако пудры)».

Воображаете, как обрадуется человек, надевший, конечно же, свой лучший костюм!

И насчет «язычка» точно замечено: острый он. К примеру, загадка: кто начинает веселиться в одном году, а кончает в другом? Ответ: встречающий Новый год. Море юмора, по-моему. А по-вашему? Еще загадка: «Здесь лежат в порядке деревянные ребятки»...

А вот целое скоморошье действо. Называется оно «Новогодний клад». Описать все приключения, которые ждут отважных искателей, нет никакой возможности. Вот только одна цитата: «Найди девушку в черном платье с белым цветком. Назови ей танец, указанный шагреневой кожей № 2, и сообщи слова первой шагреневой кожи».

Не возмущайтесь, не пытайтесь заступиться за классика: «Не смейте, мол, нумеровать шагреневую кожу. Она была единственная, и в этом у Бальзака вся суть».

Но вернемся к поискам клада. Еще цитируем: «Как же будут дальше развиваться события? Услышите слова: «Тот не красив, кто нос повесил», приглашенная девушка должна продолжать: «Красавец тот, кто бодр и весел»...

Кончается это плохо. Выигравший стал, по словам ведущего, «самым богатым человеком на земле, владельцем всего, чего в совокупности нет ни у одного человека на свете». Чего же?

Вместе они достают из дара журнал «Здоровье», книгу Павленко «Счастье», плакат-кинореклама «Любовь под вязами»... «Что еще человеку надо! — ликует, говорит неизвестный автор «клада». — Есть у него здоровье, и счастье, и любовь».

Тут мы вспоминаем: «Чего в совокупности нет ни у кого на свете», и впадаем в глубокое уныние: неужели правда — ни у кого? А потом, в следующую минуту, содрогаемся при мысли: даже здесь, в момент редкого везения, человеку досталась реклама «Любовь под вязами». Героиня там, как известно, выходит замуж за старика, любит его сына, рожает от него ребенка, а затем душит несчастное дитя собственными руками...

И такую-то афишу в новогоднюю ночь!..

Г. УЖОВА.

ПРЕКРАСНОЕ — В БЫТ!

СОЛНЕЧНЫЙ КАМЕНЬ

Существует поверье, что янтарь — «солнечный камень» — помогает от многих недугов. И это, пожалуй, верно. Кусочки окаменевшей смолы, которых коснулись искусные пальцы умельцев, начинают новую жизнь, излучая свет солнца. Превратившись в бусы и серьги, ожерелья и кулоны, они несут человеку хорошее настроение, радость, свет. А это — лучшее средство от всех недугов!

Вот что рассказала нам директор магазина Мосювелирторга «Рубин» С. Ф. Чернякова:

— Изделия из янтаря любят и носят не только женщины Советского Союза, их охотно покупают и наши зарубежные гости. Любая женщина знает, что «солнечный камень» — прекрасное и не очень дорогое украшение. Поэтому магазины Мосювелирторга пользуются большой популярностью. И не только у женщин, но и у мужчин, которые уже поняли, что здесь легко выбрать хороший подарок.

Вместе со всей страной ювелиры начали готовиться к всенародному празднику — 50-летию Советской власти. Появится много новых образцов ювелирных изделий, в том числе и из янтаря. Скоро они предстанут перед художественными советами.

Прекрасное прочно входит в наш быт.

Текст и фото А. Фомина

В ТЕАТРАХ, КОНЦЕРТНЫХ ЗАЛАХ, НА ЭКРАНАХ

ИСТИНЫ ПРОПИСНЫЕ И ИСТИНЫ БЕССМЕРТНЫЕ

В новой драме В. Пановой «Сколько лет, сколько зим!», напечатанной в седьмой книжке «Нового мира», а сейчас поставленной Ленинградским Большим драматическим театром имени М. Горького, есть слова, являющиеся как бы ключом к ее смыслу. Герой пьесы Бакчеин отвергает прописные истины, которые не могут объяснить ни его вину, ни его психологию, ни его судьбу. Кроме того, что это действительно так по отношению к жизни и поступкам Бакчеина, прописи вообще опрокидываются всем содержанием драмы, всем течением ее действия, всем поведением появляющихся на сцене лиц. Нерушимость семьи — одна из наиболее устойчивых истин — не дает счастья героине. Разрыв с глубоко любящей и преданной женщиной — вина героя — трактуется писательницей именно как вина, но не «по прописи», ибо Бакчеин отказывает в счастье самому себе и у него для этого есть серьезные причины. Сталкиваются в пьесе истины взаимоисключающие: старшая Шеметова (Бабушка) утверждает необходимость умолчания, этой наиболее тонкой формы лжи ради того, чтобы укреплять, а не расшатывать жизнь. Она считает, что умолчание в некоторых случаях необходимо и законно, видит в нем обязанность человека «вести себя опрятно». А товарищ Бакчеина по фронту Арефьев утверждает, что только прямая, открытая правда достойна человека: «никогда лгать не бывает лучше». Какая бы то ни было ложь глубоко и безоговорочно возмущает его. Но и та, и другая позиция опровергаются в пьесе. Умолчание обеспечило героине лишь подобие жизни, а не настоящую жизнь. Правда нанесла ей жестокий удар, отяготивший и ее прошлое, и ее настоящее. Ни ложь, ни правда как таковые не способствовали счастью. Ни ложь, ни правда сами по себе не могли помочь. Ложь сделала жизнь искусственной, правда, узнанная поздно, усилила боль и горе.

Так что же, следовательно, писательница растерянно остановилась перед потоком трудных жизненных фактов, перед решением сложных нравственных проблем? Отказывалась от каждодневности, от казойливого схематизма, пришла к другой крайности? Нет, пьесу Пановой отличают не только поиски истины: ее пронизывает одна глубокая и важная мысль — мысль о том, что человек целиком и до конца ответствен за свои поступки и решения. Эта мысль заставляет делать глубоко идущие выводы.

«В серьезных случаях человек собой распоряжается сам», — говорит бабушка, и эти слова в спектакле звучат у Е. Агароновой с выстраданной убежденностью. Как необходимо всегда об этом помнить! Как надо об этом напоминать! Между тем сейчас мы встречаем много литературных произведений, где человеческие судьбы возникают как прямой результат сложных или тяжких жизненных обстоятельств, в частности события войны изображаются, как прямая причина человеческого несчастья и разбитые жизни — как прямое следствие больших общественных катаклизмов. Я не отрицаю правомерности подобного изображения, но в нем есть некая односторонность.

Не так в пьесе Пановой. Здесь герой сам виновен в своем одиночестве. Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что он сам оказался кузнецом своей непоправимой беды. Лично мне эта позиция писательницы близка и кажется глубоко современной. Слишком много за последнее время от самых разных людей и по самым разным (крупным и сравнительно малым) поводам приходится слышать слова, выражающие твердую и непоколебимую уверенность в том, что люди не виноваты в своих поступках или что все виновны в одном и том же в той или иной степени (одни меньше, другие больше), ибо иначе в силу тех или иных объективных обстоятельств быть не могло. Жалкое стремление оправдать свое слабоволие! Раствориться в общем потоке! Горестное отсутствие подлинного собственного достоинства! Им противостоит мысль Пановой, показавшей человека, который сам избрал, сам определил свой жизненный путь. Эта мысль реализована в пьесе на примере сугубо личных взаимоотношений, развита в сюжете очень простом, часто встречающемся: в истории несостоявшегося счастья двух людей, из которых один покинул другого, устрашившись тех требований, которые предъявляют человеку большие чувства. Впрочем, и здесь в конечном счете угадывается большая социальная причина, но она у Пановой сокрыта в глубоких корнях человеческой истории, а не существует на поверхности.

В спектакле Большого драматического театра Г. Товстоногов, поставивший пьесу в содружестве с режиссером Р. Сиротой, идет навстречу и широте постановки вопроса, и тонкому психологизму пьесы. Он является ее союзником в построении драматического конфликта, сценически обостренного. Кажется, Товстоногов стремится всячески подчеркнуть в судьбе Бакчеина и Ольги Шеметовой силу женщины и слабость мужчины, ее гордое человеческое достоинство и его драматическую вину, возникшую в результате неверия в собственную волю и в духовные силы любимого человека. Категоричность и острота всех восприятий свойственна Ольге, как ее играет З. Шарко. Эту Ольгу легко представить себе сопротивляющейся жизненному урагану, житейским бурям, и сама она со своими порывистыми движениями и прямым взглядом неистово горящих глаз — как ветер, как обжигающий огонь. Легко убедиться в том, что она может позабыть, но не простить Бакчеину его предательство, его уклончивую жизненную позицию по отношению к верности и правде в любви и дружбе. Некая подавленность превалирует в поведении и внутреннем состоянии Бакчеина (К. Лавров). Этот человек с притушенными глазами и словно обиженными интонациями глуховато звучащего голоса, испугавшись ответственности в любви, уклонившись от дружбы, которая показалась ему непосильной ношей, рабством, обузой, опустошил себя. Легко поверить, как важна для него память о прошлом, когда он был другим.

Однако не следует думать, что театр осуждает Бакчеина, как в прямом смысле слова не осуждает его и писательница. Было бы слишком легко увидеть в этой человеческой фигуре личность, превыше всего ценящую собственную свободу, и только, некий современный вариант Марка Волохова из гончаровского «Обрыва». Да, действительно, у Бакчеина есть своеобразный эгоизм и эгоцентризм; в минуту его откровенности мы узнаем, что не только в решительный момент его отношений с Ольгой Шеметовой, но и позже, и теперь, уже после того, как жизнь дала ему жестокий урок, он все-таки страшится какой бы то ни было связанности, боится, что кто-то будет требовать от него внимания, преданности, без которых невозможны подлинные близкие отношения и подлинные чувства. Да, действительно, невольно моршишься, слушая, как этот человек с поседевшими висками, обманувший и покинувший женщину, ее же упрекает в том, что она не хочет помнить о прошлом, и даже в том, что, когда он поискал ее, она за него не боролась!

И все же это далеко не простой случай, не банальная история.

Это война сделала Бакчеина таким, как он есть. Из-за войны он поступил так, как поступил. Внутренне еще не сформировавшийся человек, который в течение военных лет каждый час мог погибнуть, он полюбил свою собственную жизнь болезненно, страстно и напряженно и сам признался в этом своему фронтовому товарищу с вдруг возникшей бесшабашной откровенностью. Ему было уже двадцать семь, когда окончилась война, а жизнь еще никак не сложилась. Ничто из задуманного не было реализовано. Он и захотел свершить несвершенное, выковать, сформировать свою личность, найти свое место в обществе. Побоялся не справиться с «чудом сохраненной» жизнью, если будет связан какими бы то ни было обязательствами с другим человеком. Устрашился «настоящего» чувства «настоящей» женщины — и был наказан за это навсегда обступившим его одиночеством. Ибо как натура глубокая по природе он любил глубоко и не смог избавиться от своего чувства. Думал, что поступает «для себя», а поступил против себя, ибо не мог знать, что именно «настоящие» чувства делают человека «настоящим». У него не хватило, недостало, если можно так выразиться, сердечной, душевной культуры. Опять-таки война, во время которой рано созрели лишь некоторые — пусть важные — стороны этого мужского характера и не отшлифовались другие. Только все это — объяснение, а не оправдание Бакчеина.

...Белый свет
на тебе сошелся клином,
белый свет...—

повторяются снова и снова в спектакле слова и напев бесхитростной песенки. Вводя эту песенку в спектакль, режиссура обнаруживает свое стремление углубленно раскрыть не только любовь Ольги, но и любовь Бакчеина к ней. И не только к углубленности изображения любви тяготеет спектакль; вся его форма помогает почувствовать драматизм любовного чувства, драматизм его рождения, его течения, его исхода.

...Пестрая суголока просторного аэровокзала с его потолком-куполом и легкой, словно летящей куда-то металлической конструкцией. Художник С. Мандель удивительно удачно передал динамизм запечатленной в спектакле людской жизни. Проходят разные люди — живые лица, возникают и обрываются чьи-то истории. И вдруг неожиданное полное затемнение, происшедшее в то самое мгновение — именно мгновение, когда Бакчеин увидел и узнал Ольгу. Все померкло перед ним. Два обращенных друг к другу потрясенных лица освещены на сцене лучами прожекторов. Отныне в спектакле связь двух людей — давно уже не связанных друг с другом — станет до боли пронзительной, до боли крепкой и их разрыв будет восприниматься, как нечто неестественное.

Драматизм любви подчеркнут в спектакле и отношениями Ольги Шеметовой и ее старшей дочери Нюши. Дочь во всем понимает мать, кажется, проникает сквозь броню ее замкнутости в самые сокровенные тайники души, в святая святых. Молодая артистка Л. Сапожникова необычайно привлекает органичностью своей жизни на сцене и тонким проникновением в смысл роли.

Сама Ольга в спектакле, быть может, лишь однажды приоткрывает завесу над своим горем и никогда не демонстрирует холод своей жизни. Об этом холоде рассказывают более всего понимающие глаза старшей дочери. Такое построение «системы образов» делает личность Ольги крупнее, обаятельнее, мужественнее. Быть может, именно Нюша — Л. Сапожникова более чем кто бы то ни было другой в спектакле помогает ощутить важный для содержания пьесы внесценический образ ученого Шеметова, — мужа Ольги, человека, который всегда знает, как поступать и что думать. Он, этот человек-«пропись», заставляет противиться устоявшимся понятиям, канонам и догмам, искать новых истин, рождаемых новыми обстоятельствами.

Опровергая прописные истины, Панова утверждает истины первозданные. Только путь к ним не прост, не банален, как не просты и не банальны людские жизни, каждая в отдельности, ибо в них всегда есть свой неповторимый оттенок, опрокидывающий схематические взгляды. Эта мысль важна для нашей драматургии, и она прозвучала в новом спектакле Большого драматического театра в полный голос. Писательница и театр смело идут навстречу жизненной сложности, требуя от человека высокой ответственности за каждый поступок.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО.

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ:

● НОВАЯ ПЬЕСА В. ПАНОВОЙ НА СЦЕНЕ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ● РЕЦЕНЗИРУЕМ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ФИЛЬМ ● СООБЩАЕМ О КОНЦЕРТЕ.

КУЛЬТУРА ЧУВСТВ

Камерный оркестр Армении (руководитель Зара Саакяц) еще очень молод — он существует всего три года. Молод он и по своему составу — артисты его совсем недавно окончили консерваторию Еревана.

Оркестр только что вернулся из Чехословакии и проездом домой дал концерт в Москве в Доме композиторов. За многое могут быть благодарны слушатели этому артистическому коллективу, а главным образом за то, что он самим своим существованием вызвал к жизни Симфониетту для камерного оркестра Александра Арутюнова — прекрасное сочинение — и превосходно исполнил его.

Давно, мне кажется, не слышно было музыки такой этической чистоты, такой культуры чувств, такого моцартовского обаяния. Путь Арутюнова в музыке — светлый путь, без срывов, спадов, но, как думалось критике, и без высоких подъемов, равнинный путь. Ему отводилось почетное, но обособленное место, не в первых рядах тех, кто отражает «трагизм и патетику» современности.

Споры решает сама музыка. Симфониетта Арутюнова, мне думается, — произведение подлинно современное, способное много и долго волновать слушателей, воспитывать их эмоции, повышать культуру их чувств. Как на горной высоте, воздух здесь кристален, видно далеко, дышится полной грудью, горизонты широки.

Мы редко говорим о культуре чувств. И мало еще воспитываем ее музыкой. Сколько плоского и пошлого проникает в песни, сколько мелкого, нейтрального содержится в легкой музыке, как часто в симфонических и камерных произведениях проглядывают искусственная перенапряженность, взвинченность, нервозность чувств. Поэтому так отрадно оказаться в сфере здоровых и глубоких человеческих переживаний Симфониетты Арутюнова с ее ощущением жизни как необъятного простора для деяния, творчества. И как это оказалось смело и неожиданно. Во сколько раз смелее всех попыток искусственной модернизации музыки. Я уверен, что автор, послушный внутренним этическим велениям, силе и чистоте своего таланта, пойдет и дальше, и трудно сказать, на каких дальних и светлых путях мы встретимся с ним.

В программе оркестра были и бессмертные творения Комитаса. Думается, что это не случайная дань его памяти, а стремление жить его творчеством всегда.

Песни Комитаса пела Лусине Закарян, певица необычайной искренности, какой-то детской, истовой веры в силу музыки. Поет она будто для себя: ничего «концертного», эффектированного, никаких заученных приемов воздействия на слушателей. Открытая душа, завораживающий голос и высочайшая культура чувств...

С. АКСЮК.

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ХМЕЛЬНИЦКИЙ. (Наш спец. корр.).

Народный театр Хмельницкого городского дома культуры осуществил премьеру героической драмы Б. Горбатова «Юность отцов». Постановка В. Богословского, художник Е. Пожар. Главные роли исполнили: столяр М. Розумань, работницы заводов города В. Олейник, С. Вовколуп, инженер Е. Вайнтруб, слушатели курсов для участников художественной самодеятельности при Хмельницком доме народного творчества.

Спектакль посвящен 50-летию Советской власти.

ЧЕХОВ, «Душечка» и ТВ

Удивительно «не везет» Чехову в кино. Кинодраматурги считают его рассказы «образцом сценарной записи». Режиссеры охотно и часто экранизируют их, начиная с 1909 года, когда зрители впервые увидели на экране «Хирургию». Но беда в том, что при всем желании трудно вспомнить более трех-четырех по-настоящему интересных, по-чеховски тонких и умных картин.

Наиболее очевидным из всех промахов является прямо-таки фатальное упрощение и огрубление чеховской прозы при экранизациях. Читателю достаточно нескольких точных деталей («...на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса»), чтобы по ассоциациям дорисовать образ: лунную ночь в данном случае. В кино нетрудно все это воспроизвести — и чернеющую тень, и горлышко бутылки с бликом от прожектора. Все будет точь-в-точь как у Чехова. Но зритель, даже если он оценит искусство оператора, резонно скажет, что Чехова здесь нет и грана.

Налицо парадокс: кино с его высокой изобразительной культурой вводит в кадр все, о чем пишет Чехов, и... получает «античеховский» результат. Зритель может принять или не принять предлагаемый ему снимок лунной ночи, но домысливать ему здесь нечего: всю ассоциативную работу за него выполняет техника кино.

Парадокс на этом не исчерпывается. Многое из того, чем по праву гордится искусство кино — смысловая ясность изображения, коллективный характер восприятия, натуральность всего показываемого и т. д., и т. п., — оказывается не добром, а злом при экранизации Чехова.

Однако на телевизионном экране, в телефильмах, Чехов очень часто получается. Необходимость действовать деталями и опираться тем самым на воображение зрителей, предпочтение слову перед изображением, интимность восприятия (аудитория — миллионы одиночек), замедленный монтаж и обилие крупных планов, а главное, абсолютное превосходство актера над любыми режиссерскими изысками — все эти имманентные выразительные средства телевидения оказались созвучными манере Чехова.

Это вступление потребовалось нам для того, чтобы дальше говорить о новой работе Сергея Колосова без всяких отступлений и семилок на специфику телевидения. Она существует, эта специфика, и запросто формулируется в емких эстетических терминах. И, конечно, Колосов — режиссер высокой культуры, автор телефильма «Вызываем огонь на себя» — лучшего из всех, до сих пор созданных для телеэкрана, — учитывал все возможности и недостатки одиннадцатой музы.

Начнем с того, что он решал задачу предельно сложную. Как известно, сам Чехов считал «Душечку» юмористическим рассказом. Иначе восприняли рассказ его современники и потомки современников. Юмор «Душечки» — юмор во всяком случае грустный, раздумчивый. И образ Оленьки — милой, доброй и удручающе беспомощной — вызывает не только иронию, но и гнев ко всему, что сделало из хорошего человека «душечку».

Фильм очень точно передает внутреннюю противоречивость этого рассказа. Ирония здесь сдержанная, и направлена она главным образом не на невинную Оленьку, а на окружающую ее действительность. Но и рассматривая пристально убожество людей, которым «душечка» подражает, режиссер всячески избегает открытого комикования.

Исполнители ролей Кузина и Пустовалова артисты Р. Быков и Р. Ткачук не расходятся с режиссерской трактовкой этих образов: они не монстры, не нравственные уроды, но обыкновенные люди, живущие без смысла или, вернее, с ложным смыслом. На них невозможно смотреть без смеха и одновременно жалости. Отметим, что режиссерский взгляд на «Душечку» последовательно проведен и через все другие компоненты фильма: и опытный оператор В. Яковлев, и художники, и композитор, и все остальные члены группы работают удивительно «синхронно», в одних и тех же обертонах.

Трактовка «Душечки», как это бывает в общем с любой экранизацией, вызовет споры. Непременно найдутся люди, которые, не обнаружив на экране своего представления о «Душечке», скажут, что это, мол, не совсем Чехов. Может быть, и «не совсем». Но ведь еще со времен Достоевского известно, что «...эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической». Полного соответствия Колосов, очевидно, и не искал. Его фильм — пример творческой экранизации классики, когда сохраняются мысль и дух первоисточника.

Самой большой удачей фильма оказался образ «душечки», воплощенный Людмилой Касаткиной с непостижимым мастерством, проникновенностью и широтой взгляда на свою героиню.

Заставить нас осудить «душечку» — не трудно. А вот сделать так, чтобы зритель мог одновременно сердечно посочувствовать Оленьке, сделать ее интересной, раскрыть для многих неожиданную сложность характера этой провинциальной барышни, наконец, просто приковать внимание зрителя к Оленькиной судьбе на протяжении всего фильма — задача не легкая. Эту задачу Касаткина решает средствами, простыми по внешности. Ее игра предельно сдержанна, вся соткана из полутонов, деталей, намеков. Это игра, рассчитанная на сотворчество зрителя.

Актриса показывает Оленьку милой, весьма недалекой и доброй барышней. Вот выйдет она замуж, обожествит своего Ванечку и будет жить «отраженной жизнью». Что с нее взять, она же «душечка», существо «шаблонное, лишенное резких индивидуальных примет» (З. Паперный). И возникает даже мысль: а стоило ли снимать о ней полнометражный фильм, снимать не о «душе», а о «душечке»?

Стоило! Стоило бы даже ради роли «душечки». Мы вглядываемся в «душечку» и очень скоро познаем, что ее никак нельзя определить одним словом, — например, назвать только «отрицательной». И когда приходит это познание, фильм увлекает как тонкий человеческий документ. При всех своих смешных сторонах «душечка» своей добротой, душевной щедростью и честностью все время поднимается над теми, чью жизнь отражает, над своими «положительными» мужьями.

Известно, что В. И. Ленин использовал образ «душечки» в борьбе с соглашателями. Эту сатирическую сторону образа актриса, отрицая ее, закрывает — да, подобные существа могут и мешать движению жизни вперед, — но и не сводит характер «душечки» только к одной этой черте. Оленька — живой человек, с внутренними противоречиями и душевной многогранностью.

Думается, что и симпатии Чехова — явственные, несмотря на откровенную иронию, — и симпатии зрителя, столь искусно пробужденные актрисой, невозможно свести только к очевидной доброте Оленьки. Есть у нее и еще более важное достоинство, особенно нужное людям XX века, — это неприятие одиночества как формы существования античеловеческой.

Вспомним, через много лет в городок возвращается ветеринар — весь облинявший, седой, смирившийся. Он ищет квартиру, и Оленька, — нет, уже немолодая дама Ольга Семеновна, — с прежней экспансивностью предлагает ему: «Господи, да возьмите у меня дом, Чем не квартира? Господи, да я с вас ничего и не возьму...». Здесь нечто большее, чем доброта. Здесь звучит тоска по людскому общежитию, звучит праведническая потребность отдать себя людям.

Телевидение пока не часто создает значительные художественные ценности. Но телефильм «Душечка» — как раз образец телевизионного искусства, произведение многослойное и умное, требующее от зрителя сосредоточения и размышлений.

Р. СОБОЛЕВ.

На сцене Кремлевского театра оперой «Камар-Сулу» начался показ спектаклей Казахского академического театра оперы и балета имени Абая.

Вы видите сцену из спектакля. Камар — народная артистка СССР Р. Джаманова.

Георгий Мдивани

«ДАЛЕКО на ЗАПАДЕ»

КИНОСЦЕНАРИЙ

В порту уже стоит большой, красивый корабль. По двум трапам советские люди таскают мешки с цементом.

Весь порт оцеплен эсэсовцами.

Эсэсовцы стоят на палубе корабля... с обеих сторон трапа...

Большой подъемный кран вытаскивает из трюма громадные связки железных тросов и кипы сеток для железобетона.

Работа в разгаре. Вокруг — горы мешков с цементом, железных тросов и других строительных материалов.

На берегу моря, на возвышенности работают пленные; заливают бетоном отдельные части укрепления.

Карпов и Морозов контролируют работу.

Вокруг работающих стоят несколько эсэсовцев.

На военном вездеходе к строящемуся укреплению подъезжает комендант Бамлер с шофером-автоматчиком.

Карпов и Морозов встречают Бамлера.

— Здравствуйте, господа инженеры! — приветствует их Бамлер.

— Здравствуйте, господин комендант! — отвечают Карпов и Морозов.

— Ваша корректура проекта фортификаций утверждена ставкой. Поздравляю! — говорит Бамлер, здороваясь с инженерами за руку.

— Спасибо! — благодарит Карпов.

— Ну, как у вас дела? — спрашивает Бамлер.

— Все идет по плану, господин комендант, — отвечает Карпов и, улыбаясь, добавляет: — как говорят по-русски, люди работают не за страх, а за совесть!

— «Не за страх, а за совесть!» — смеется Бамлер. — Хорошо сказано!

Карпов, вынув из кармана пачку сигарет, протягивает ее Бамлеру.

Бамлер берет сигарету, закуривает.

— Как вы думаете, недели две нам хватит для окончания работ на острове? — спрашивает он.

— Думаю, что хватит, — говорит Карпов, прикуривая сигарету.

— Может, поедем, осмотрим участки? — предлагает Бамлер.

— Пожалуйста! — отвечает Карпов.

По песчаной дороге на тачке, запряженной лошадью, едет Серго. На тачке — бочка с водой. Серго мурлычет в такт топоту лошадиных копыт незатейливую мелодию.

Вокруг — разбитые на мелкие участки огороды и сады острова. На огородах повсюду работают женщины, дети, старики...

Осень. Жители острова собирают урожай. Проезжая мимо, Серго видит, как они срезают капусту, роют картошку, морковь, редиску, собирают огурцы, накрывают рамами теплицы...

Серго, остановив лошадь, слезает с тачки, привязывает лошадь к забору, входит в калитку и подходит к трем пожилым мужчинам и четырем женщинам, работающим в огороде.

— Здравствуйте! — говорит Серго.

Люди перестают работать, но не отвечают Серго на его приветствие.

Серго чувствует себя неловко. Он бросает взгляд на гору огурцов, протягивает руку и нагибается, чтобы взять огурец. Но, не дотянувшись до огурцов, он замирает в такой позе, глядя в глаза старой женщине, которая в упор смотрит на Серго.

Женщина сердито сплевывает в сторону. Серго, не взяв огурца, выпрямляется и оглядывается вокруг.

Он видит, что не только хозяева этого участка, но и все остальные работающие на огородах стоят вокруг неподвижно, сердито глядя в его сторону.

Серго медленно поворачивается к ним спиной и, согнувшись в плечах, идет к калитке, словно ожидая удара камнем в спину.

— Эй, ты! Стой! — вдруг послышался чей-то голос.

Серго застывает на месте и, слегка повернув голову, смотрит назад.

От группы людей отделяется седой человек без одной руки, наклоняется, берет из кучи два огурца, подходит к Серго и протягивает ему огурцы:

— На! Возьми! — сухо говорит он.

— Спасибо! — говорит Серго, беря огурцы обеими руками.

Человек без руки долго смотрит в глаза Серго и укоризненно говорит:

— И как только вам не стыдно помогать этим негодяям!..

— Нет, нет! — вдруг горячо возражает Серго. — У меня лошадь такая... такая!.. — И вдруг, покачав головой, говорит: — Я даже не знаю, сколько ей лет...

Безрукий человек оборачивается и вопросительно смотрит на стоящих позади него людей.

— Оставь этого идиота! — послышался из толпы мужской голос.

Человек без руки, безнадежно вздохнув, отходит от Серго.

Серго уже отъезжает от огородов, сворачивая прямо на поле. Глаза его заметно оживились.

Хлестнув лошадь плетью, он быстро несется на своей тачке, поднимая клубы пыли.

Навстречу Серго на вездеходе едут Бамлер и Карпов. За рулем сидит шофер-автоматчик.

Серго, останавливая лошадь, поднимает руки, глупо улыбается, требуя, чтобы вездеход остановился.

Бамлер смеется.

— Остановi! — приказывает он шоферу.

Серго соскакивает с тачки.

— Холодной воды!.. Холодной воды!.. Господин комендант... Только за сигарету... за сигарету... — говорит он, обращаясь к Бамлеру.

— Ах ты, попрошайка! — сердито говорит Карпов. — Уходи отсюда!

— Он злой! Злой инженер, господин комендант! — восклицает Серго, указывая пальцем на Карпова, и продолжает выпрашивать: — Сигарету! Одну сигарету, господин комендант!.. Гут комендант!.. Либен комендант!.. Одну сигарету! — показывает он один палец.

Бамлер засовывает руку в сумку автомашины и, достав пачку сигарет, протягивает ее Серго.

Серго, низко кланяясь, благодарит:

— Спасибо... спасибо, господин комендант! — и кладет сигареты в карман.

Вездеход тронулся и понесся дальше.

— Этот сумасшедший не русский? — спрашивает Бамлер.

— Нет, он грузин, — отвечает Карпов и поясняет: — У него в мозгу застрял осколок... и задел какие-то центры...

— Да, это гиблое дело, — говорит Бамлер, — этот осколок в любую минуту может его прикончить...

А Серго уже на стройке, с помощью вооруженного эсэсовца переливает воду из своей бочки в бак для питья.

При этом он мурлычет свою обычную мелодию.

Как только наполнили бак, он быстро оборачивается к эсэсовцу и, протягивая руку, просит:

— Одну сигарету! Одну... сигарету...

— Я не курю, — хмуро отвечает эсэсовец.

— Конфетку! Конфетку! — продолжает клянчить Серго.

— Конфетки нет! — сухо отвечает эсэсовец.

— Галета! Галета! — просит Серго.

— Дай что-нибудь, иначе он не отстанет! — говорит второй эсэсовец.

Первый эсэсовец нехотя достает из сумки несколько штук коричневого квадратного печенья и протягивает его Серго.

Это печенье уже лежит на тумбочке, возле кровати Луизы — дочери Элен.

— Мама, где ты достала печенье? — спрашивает Луиза.

— Печенье? — удивленно говорит Элен, глядя на лежащее на тумбочке печенье, и невольно переводит взгляд на дверь, куда только что вышел Серго. Потом, смущенно улыбаясь, поясняет: — Это мне... сегодня подарили... в больнице. Кушай! Это для тебя!

Недалеко от строящегося укрепления знакомый нам седой человек без одной руки, в помятой шляпе, стоит под навесом. На лотке перед ним лежат для продажи огурцы, редиска и яблоки.

Вокруг там и сям стоят вооруженные эсэсовцы.

К лотку подходит Глеб и еще двое советских солдат.

— Сколько стоит огурец? — спрашивает Глеб.

Человек без руки, оглянувшись назад, тихо отвечает:

— Очень дорого! Но можно отдать бесплатно... — Он обрывает фразу, сверля Глеба глазами и ожидая ответа.

Глеб, бросив на него безразличный взгляд, берет одно яблоко и кладет перед безруким продавцом деньги.

— Дай сдачи! — говорит он.

— Слушай, малый! — тихо шепчет безрукий человек. — Может быть, у тебя больше нет денег?

— Дай сдачи! — настойчиво повторяет Глеб.

— Как хочешь! — пожимает плечами продавец.

— Одни провокаторы! — громко говорит русский солдат, сопровождающий Глеба, глядя в глаза безрукому продавцу.

— Эх, милые люди! — вздыхая и горько качая головой, говорит безрукий, подавая Глебу сдачу.

На каменных ступеньках высокой лестницы сидит обсыпанный мучной пылью старик мельник. Это знакомый нам свекор Элен. Он безразличными глазами глядит на Серго, который наполняет у колонки свою бочку водой.

Серго окружают несколько любопытных детей, мальчиков и девочек. Видно, что они уже хорошо знают дядю Серго.

Серго, наполнив до краев бочку водой, поворачивается к детям и начинает, жестикулируя и гримасничая, изображать разных птиц и зверей.

Довольные дети хохочут.

Серго, подражая шарманке, напевает уже свою незатейливую песенку. Но вдруг из домов выбегают несколько женщин. Гневно глядя на Серго, они хватают своих развеселившихся детей и с сердитыми возгласами тащат их домой.

Одна из старух, злобно глядя на Серго, говорит:

— Убирайтесь отсюда и не трогайте наших детей! Предатели!

Озадаченный Серго провожает глазами женщин, которые быстро уводят детей по домам.

Он вопросительно смотрит на мельника. Старик не глядит в его сторону. Серго, все еще не совсем понимая, что произошло, садится рядом с мельником и спрашивает, как бы самого себя:

— Неужели... Неужели они думают, что я... могу обидеть детей?..

— Вы обидели всех нас! — мрачно, глухим голосом говорит старик, не глядя в сторону Серго.

— Вас?! Обидел? Я?!.

— Не только ты, все русские... которые пришли к нам... помогать немцам! — резко отвечает старик.

Глаза Серго заметно оживились. Он быстро сует руку в карман и, вынув пачку сигарет, протягивает ее старику.

Старик, бросив презрительный взгляд на Серго, демонстративно встает и входит в мельницу.

Довольный Серго, оставшись один, закуривает сигарету.

Вдруг он слышит чьи-то шаги, оглядывается и видит идущую к мельнице Элен.

Серго неожиданно для себя вскакивает с места и вытягивается.

Элен, поднимаясь по лестнице, снизу вверх смотрит на Серго.

Серго, отступая, дает дорогу Элен.

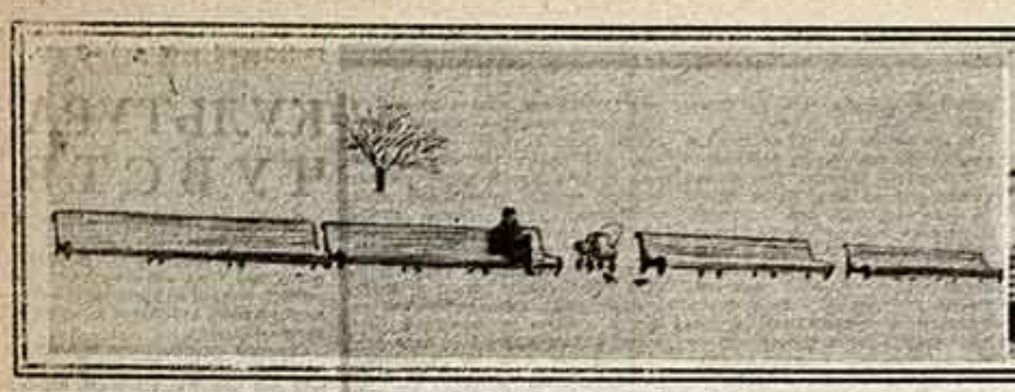
Элен, держа в руках завернутый в салфетку завтрак, принесенный ею для старика, входит в дверь мельницы.

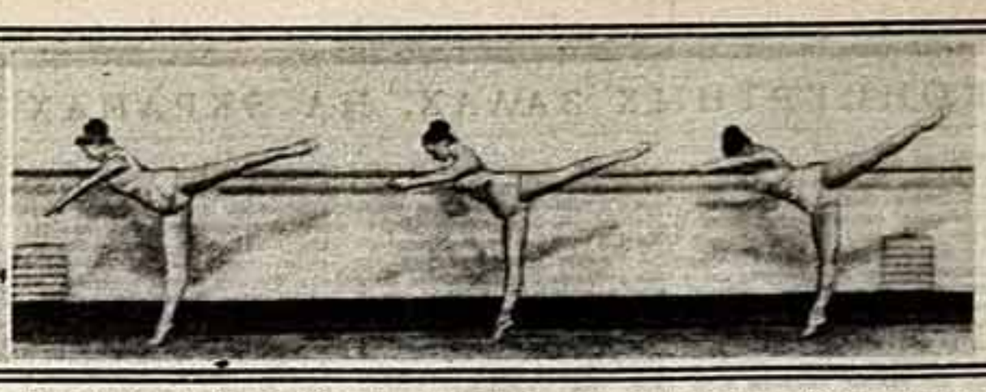
Проводив глазами Элен, Серго медленно спускается по лестнице.

Он останавливается и, поднимаясь

(Продолжение на 4-й стр.).

Продолжение. Начало в номере от 17 ноября.





ТВОРЧЕСТВО ФОТОЛЮБИТЕЛЕЙ

«Тишина». А. Фокин. (Ленинградский фотоклуб дома культуры «Ветеран»).

«Идет экзамен». Н. Янушевская. (Ленинградский фотоклуб Выборгского дворца культуры).

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Что такое женская красота? Почему каждая эпоха, каждое время несут свое представление о том, какой должна быть красавица? Когда помогает, а когда мешает красоте мода? И можно ли стать красивой, если очень этого захотеть?

Об этом разговаривает сегодня с нашим корреспондентом

Тамара Федоровна Макарова

СЕКРЕТ КРАСОТЫ

ТЕМА этой беседы родилась неожиданно. Договорившись о встрече, я ждала свою приятельницу на углу улицы Горького и Козицкого переулка. И вот тот, кому случалось в вечерний час бывать в этих местах, с легкой душой поверит, что ничего невероятного тут нет: за те пятнадцать минут, которые понадобились моей подруге, чтобы вспомнить, где у нас назначено свидание, мимо меня в толпе прошли четыре совершенно одинаковые девушки — хорошенькие, изящные, элегантные. Между ними не было кровного родства, даже знакомы они, по всей вероятности, не были. Поставь их рядом — наверное, сразу обнаружилась бы разница. Но, возникая в потоке прохожих поочередно, они казались похожими с абсолютной точностью наваждения.

Года два назад на заседании эстетического клуба в редакции «Советской культуры» выступала известная в Москве мастерица парикмахерского искусства. Оглядев придирчивым взглядом зал и попросив уважаемое общество не обижаться, она сказала, что не видит среди присутствующих ни одной женщины, отвечающей современным требованиям. Как видите, пережитая тогда обида запомнилась надолго...

Тема беседы еще не сложилась отчетливо и окончательно, но очень захотелось поговорить с понимающим человеком о том, что же это такое — женская красота. Где искать такого понимающего человека, определилось довольно скоро. Во-первых, он должен быть женщиной: взгляд со стороны — вещь вообще полезная, но тут как-то сподручнее смотреть изнутри. А во-вторых — так представилось — актрисой. Ведь актрисе дана привилегия размышлять о проблемах внешности всерьез, глубоко и всесторонне и не бояться при этом упреков в легкомыслии.

Так вот и случилось, что мы встретились с Тамарой Федоровной Макаровой, и я спросила у нее, представляется ли ей красота женщины интересным предметом для разговора.

— Интересным — безусловно, но очень уж сложным. Предложи вы мне писать такую статью, я отказалась бы наотрез. Эта тема напоминает мне многоглавого дракона: сплошные зубцы, хвосты, отростки... и воплощение коварства характера!

— Коварство? Почему?

— А потому хотя бы, что на сей счет каждый хоть немножко, да размышлял в своей жизни и, стало быть, имеет собственное свое суждение. Повторю его в чем-то — рассердится, что говоришь общеизвестное. А уйдешь в сторону, упустишь какой-нибудь из этих общеизвестных моментов — и вовсе обед не обернешься. Еще обвинят в инспирировании идеалов!

Да и не принято у нас на большой аудитории говорить об этом, о красоте! Одному понравится, другому покажется предосудительным. В каждом из нас сидит пуританин; очень это глубоко впиталось. Сейчас, правда, многое на глазах меняется — вот устраивают конкурсы причесок, вот демонстрируют туалеты. Врачи, художники, косметологи наперебой советуют женщинам: слушайтесь нас, старайтесь быть красивыми!

— Но мы с вами не будем бояться осуждения, хорошо? Ну пусть кто-нибудь особо серьезно настроенный, разобравшись, что к чему, отложит газету в сторону. Велика ли потеря!

— Давайте считать так. Значит, что такое красота женщины, да?

Первое, что видится нам за этими словами, — это определенный пластический образ: гармония форм, пропорций, красок. Красивое, то есть пластически совершенное лицо, красивая фигура — это и само по себе редкостно прекрасно, это вызывает восторг и восхищение.

Но нам этого все-таки мало. Мы ждем и ищем в красоте гармонии высшего порядка. Нам хочется, чтобы внешняя красота была воплощением совершенства духовного, человеческого, интеллектуального. Впечатление от прекрасного облика заставляет нас почти инстинктивно домыслить столь же прекрасный духовный эквивалент. И мы горько разочаровываемся, если выясняется, что это иллюзия и не более того.

Скажете, давно известно? И другие, наверное, тоже скажут. Вот что я и имела в виду, говоря о сугубом коварстве темы. Но как обойтись без этого? Хуже будет, поверьте!

И в том, что скажу дальше, тоже нет открытия. Идеал женской красоты, живущий в человеческом сознании, очень динамичен, он постоянно и неудержимо меняется. Мы до сих пор поклоняемся с трепетом античным красавицам, но это восхищение мастерами, их изваявшими, а вовсе не их моделями. Появись в наши дни живая Венера — и скорее всего она показалась бы на современный взгляд чересчур громоздкой, чересчур резко очерченной.

Впрочем, не обязательно даже совершать экскурсии к древним грекам, достаточно вспомнить и сопоставить времена совсем недавние. Двадцатые годы — и наши дни. Грета Гарбо — и Брижжит Бардо... Меньше чем за полвека — такая метаморфоза идеала!

— Но ведь тип — если говорить об определенном женском типе — Греты Гарбо и нам кажется воплощением красоты. А как отнеслись бы люди двадцатых годов к облику Брижжит Бардо? Наверное, сочли бы ее дурнушкой...

— А в этом, видимо, проявляется какой-то общий эстетический закон. В нашем внутреннем мире Рамо и Куперен прекрасно уживаются с Прокофьевым и Стравинским, а Поликлет — с Роденом. Мы уважительно храним в эмоциональной памяти все, чем наслаждались наши предки, наша душа с готовностью на это отзывается — словно в наших сегодняшних вкусах продолжают свою жизнь вкусы тех, кто жил до нас. А с будущим, даже самым близким, у нас нет таких связей. Проиграй нам сейчас кто-нибудь музыку двадцать первого века — поймем ли мы ее? Примем ли?

— Мы говорим об идеале женской красоты — своем для каждой эпохи. Но ведь красота всегда бывает гораздо многообразнее, чем какой-то определенный характер внешнего облика, возводимый на пьедестал. Что же формирует общепринятый идеал? Очевидно, в первую очередь искусство?

— Надо еще подумать, в первую или во вторую очередь. Канонизирует тот или иной вариант красоты, вырабатывает ему популярность и всеобщее признание, безусловно, искусство. Раньше — скульптура, живопись, даже литература. Ведь, например, «тургеневские девушки» — это не только духовный, но и пластический тип, при всей его внутренней многохарактерности. Теперь же больше — кинематограф.

Но ведь кино, особенно на Западе, ежегодно предлагает публике десятки обликов, сотни лиц и личин, словно на выбор. А только единицы утверждаются в роли идеала или в приближении к нему. А остальные? Проскальзывают почти незамеченными.

Очевидно, идеал женского облика вырастает из каких-то очень серьезных и значительных социальных процессов, его формирует движение общественной мысли, настроения, владеющие людьми. Не берусь утверждать (это требует специального изучения), но можно предположить, что отход от классической безупречности черт в какой-то мере связан с отказом от стремления к исключительности — ведь на скульптурно правильные лица и фигуры природа во все времена была достаточно скупа. И посмотрите: параллельно в бытовой эстетике — все усиливающееся стремление к стандартизации, а тут уже очевидные взаимосвязи с производством, с техническим прогрессом. Красавицу эпохи Бальзака мы можем представить себе только в специально для нее придуманном и выполненном туалете, в окружении уникальной, ручной работы мебели. И это органическим и необходимым дополнением входит в ее облик. А наша красивая современница, не утрачивая своего ореола, ходит в платьях фабричного производства и окружена такими же стандартными вещами — хотя в буржуазном мире идет, разумеется, медленнее.

Мы уже говорили о Брижжит Бардо, но трудно не вспомнить о ней еще раз, вы сейчас поймете, почему. Брижжит — и женщина (насколько мы можем себе ее представить), и созданный ею на экране тип героини — воплощает все очарование женского легкомыслия, непосредственности, избыточности. Но она и разумна, и духовно наполненна. Она не раз участвовала в прогрессивных общественных кампаниях. Разве это не показательно?

Или вот еще один пример. Сергей Аполлинарьевич Герасимов встречался недавно в Париже с Симоной Синьоре, которая должна сниматься в новой его картине. В сценарии есть такой эпизод: французская актриса (Симона будет играть, по существу, самое себя) беседует с советскими журналистами. Для сюжета важен факт беседы, а не ее содержание. Предполагалось, по-видимому, что разговор должен пойти об искусстве. Но Симона не захотела говорить об искусстве. Она захотела говорить о политике. Это тоже раскрывает многое, не правда ли? А уж насколько интеллектуальны все героини Симоны Синьоре, какая интенсивная бьется в них мысль, как богат мир их переживаний, это знает всякий, кто хоть раз видел ее на экране.

И наше кино, стоит лишь присмотреться и сопоставить, дает возможность проследить, как духовное начало становится главенствующим в облике. Теперь плохая актриса, как бы она ни была хороша собой, славы не завоюет. Ею, конечно, будут восхищаться (иначе как же можно?), но со всеми необходимыми оговорками. А ведь что такое плохая актриса? Это означает в первую очередь, что духовная сущность героини остается нераскрытой, не видимой для зрителя — и зритель этого не прощает...

— Очевидно, в соответствии с этим глубоко выношенным идеалом красоты формируется и мода — в одежде, в прическах, в обуви, в украшениях? Если, конечно, иметь в виду не мимолетные веяния, вроде цвета сезона, диктуемые естественной тягой к разнообразию, а нечто более устойчивое, стабильное — общий силуэт, скажем, общий стиль, общий склад внешности. Мода стремится подчеркнуть то, что утверждается идеалом, и скрыть, завуалировать то, к чему он настроен скептически. Как вы относитесь к сегодняшней моде?

— Мне она нравится, очень нравится, и больше всего тем, что помогает подчеркнуть извечную женскую сущность: мягкость, лиризм, изящество — женственность, точнее не подберешь слова. И опять-таки мне видится в этом глубокая закономерность.

Ближайшая к нам история жизни рисуется мне следующим образом. Начало нашего века во всем мире — время освобождения женщины. Мы получили гражданские права, мы стали занимать ответственные с мужчинами должности. В нас перестали видеть только украшение жизни и развлечение домашнего очага.

И во внешнем женском облике (как естественная, наверное, реакция) произошли разительные перемены. Вы вспомните, как выглядели, например, русские курсистки — они учились, они готовили себя к трудовой жизни, и как же неуклюжи были они всей своей внешностью на девиц, ожидавших замужества под отчим кровом!

А потом, когда эмансипация приобрела размах, женщины постарались как можно меньше походить на себя и как можно больше уподобиться мужчине. Короткая, плотно прилегающая к голове стрижка; нарочито обезличенный покрой костюм; фундаментальная обувь; сухие, жесткие линии, тяжелые, негибкие ткани... Я, конечно, упрощаю множество нюансов. Но общий стиль был именно таков.

А сейчас, не сразу и не вдруг, но все очевиднее сейчас женщина все больше возвращается к самой себе. К своей сущности. К своему естеству. Она сохраняет все свои завоевания — самостоятельность, независимость, равноправность. Но уже никому не подражает и никого не пытается имитировать. Наоборот — она находит все больше и больше способов во всеуслышание заявить: женщина остается женщиной.

В этом мне видится смысл изменений в нашем костюме, их последовательная логика.

— Значит, следуя современной моде, женщина выигрывает во внешности?

— Конечно, выигрывает! И особенно потому, что сегодня мода, как редко бывало раньше, допускает множество вариантов. Нам есть из чего выбрать, а это хорошо не только по результатам, но и как процесс. Ведь женщину украшает не столько удачное платье, сколько весь комплекс связанных с ним ощущений и переживаний.

(Чтобы не повториться, не стану приводить свой следующий вопрос: речь шла о четырех девушках-близнецах с улицы Горького).

— Четыре? Ну это еще не так много. Каждый год на приемных экзаменах во ВГИКе я вижу десятки совершенно стереотипных девичьих фигурок. Они продуманно, часто даже удачно одеты, причесаны, подкрашены. Но начисто лишены индивидуальности, словно сошли с одного конвейера. Редко-редко мелькнет в этом стандартном потоке ни на кого не похожий, свой собственный облик. Мелькнет — и сразу невольно остановит внимание. К слову сказать, и на экзамене, с чисто профессиональной точки зрения, именно эти, непохожие, чаще всего заставляют говорить о себе.

Только мода ли тут виновата — сегодняшняя, завтрашняя, какая угодно? Нет, конечно. Виновато неумение с нею обращаться. Эти девочки — они отлично знают, что носят, как носят и с чем носят. Их не упрекнешь в том, что у них плохой вкус — ничего, что противоречит бы основным требованиям вкуса, они на себя не наденут. До этих пор их образованность простирается. Но дальше — стоп. Как применить этот общий принцип к себе, к своей внешности, к своей индивидуальности, чтобы мода не убивала, а подчеркивала (а она это умеет!) обаяние личности, этого девочки не знают.

Не знают девочки и такой очевидной вещи, что в одежде все самое интересное, яркое, эффектное возникает, как правило, на границе дозволенного модой и отвергнутого ею, узаконенного и незаконного. Тут снова напрашивается аналогия с искусством, но я боюсь обвинений в кощунстве за такую параллель.

А не знают всего этого девочки по той простой причине, что никто их этому не учил и не учит. Самое большее, что могут они почерпнуть в печатных рекомендациях на сей счет, — это советы чисто утилитарного характера: вроде того, что для полной фигуры лучше продольные полоски, а для худощавой — поперечные. Спасает интуиция, но это тоже дар божий.

— А раз не учат, значит, надо учить. Правильно я поняла вашу мысль?

— И так, и наверное, не совсем так. Учить, безусловно, нужно, только кому и как?

Вот давайте с какой стороны попробуем подойти к ситуации. Чего прежде всего хочет каждая девочка, заглядывая по утрам мутный зеркалу? Быть модно одетой? Это скорее средство. Главное, чего ее хочется, — это быть красивой, приблизиться к очень уже хорошо ей знакомому эталону красоты. Правда же?

Девочка смотрится в зеркало (все мы очень рано начинаем это делать) и внимательно изучает себя. Ей кажется, что у нее необыкновенные глаза, но неуклюжий носик. Или, наоборот, нос ей нравится, а глаза не устраивают. Иногда она права, иногда ошибается.

Я помню, как на консультации долго разговаривала с одной из таких девочек. Я пыталась осторожно внушить ей, что актерская профессия предъявляет довольно жесткие требования к внешности. Девочка очень обиделась и сказала мне: «Знаете, Тамара Федоровна, каждый человек себе нравится», — и я не нашлась, что ей ответить...

Но не в том даже суть, что надо научиться верно и трезво оценивать свои внешние данные, хотя это — великое и не сразу дающееся умение. Девочки рассматривают себя в зеркале по частям, но мы-то — мы видим их со стороны, целиком. И то, что мы видим, или приближается к нашему представлению о красоте, или противоречит ему.

А видим мы многое. Мы видим, как девочка движется, какой у нее жест, какая походка. И если она неластична, неуклюжа, неграциозна, самые прелестные глазки и носик не спасут впечатления.

Мы видим, как она общается с окружающими знакомыми и незнакомыми. И если она не умеет себя вести, если она груба, неженлива, бестактна, самая распрекрасная внешность покажется нам отталкивающей.

Мы смотрим дальше — и невольно начинаем за манерами, за формой поведения искать человеческую сущность. Хорошо ли она относится к людям? Добра ли она (когда вы будете писать, очень вас прошу: это слово — добра — выделите как-нибудь пожирнее. Мне это требование представляется наважнейшим)? Можно ли с ней дружить, довериться ей, искать ее помощи и сочувствия? И если она черства душой, эгоистична или бесчестна, мы воздадим (бог с ней!) должное ее внешности, но откажем в праве на подлинную красоту.

Мы смотрим в ее глаза, и нам мало радоваться их форме, величине и цвету. Мы ищем в них отражения мысли, сложных душевных движений. «Куколка», — так говорим мы о тех, в кем не находим этого. «Красивая куколка!».

Девочки, которым кажется, что весь фокус — в модной юбочке да в красиво подведенных глазах, могут испугаться длинного перечня требований — в счет ведь только начался, и велся он не слишком прилежно... Но мы тут же возразим им: вы же хотите быть красивыми! Вы претендуете на одно из самых великих званий на земле! Было бы несправедливо, если бы оно давалось за одну портновскую да парикмахерскую изощренность...

Вот и получается, что красота — это не только дар природы. Это произведение от общей культуры. Это один из итогов и духовного, и нравственного, и интеллектуального воспитания.

— Но разве не бывает, Тамара Федоровна, что женщины, достигшие по всем этим пунктам высокого совершенства, все-таки сильно уступают неразумным девочкам во внешности, хотя природа их вовсе не обделена? Ведь это по-настоящему грустно — кому, как не им, и быть, и считаться красивыми, а получается какая-то современная разновидность «синего чулка»...

— А это просто лишний раз свидетельствует о том, что в процессе воспитания ничто не произрастает само собой.

Я помню, в гимназии у нас были специальные классные дамы. Они сидели на всех уроках и бдительно следили за нами. За нашими манерами, за нашей аккуратностью, за тем, красиво ли завязан бант и ровно ли сидит воротничок. Другое дело — насколько приемлемы в нашей жизни те принципы, которым служили классные дамы. Но своего она умела добиться, надо отдать им справедливость.

Сейчас, как мне известно, у школы главная забота — чтобы не слишком рано девчонки начинали думать о туалетах, чтобы не слишком большую роль играли в их жизни тряпки. Наверное, немалое собеседование здесь полную серьезность, но что лучше в воспитании? А отбить у будущей женщины вкус и охоту следить за своей внешностью, думать, заботиться о ней — это, по-моему, не меньшее зло.

Когда я снималась в «Маскараде», мне пришлось пройти целую школу хорошего тона у одной старенькой актрисы. Как двигаться в корсете, как протянуть руку для поцелуя — на все нашлись свои правила и установления, и все надо было усвоить и закрепить в себе до полного автоматизма.

Мы не ходим в корсетах, руки нам теперь редко целуют. Но разве в нашей жизни нет каких-то правил тех, которым мы считаем нужным следовать? А кто учит, кто следит за тем, чтобы их усваивала молодежь, эти самые девочки? Неудобно рассказывать, но вот уже во второй этюдной мастерской нам приходится ставить специальные «застольные» этюды, чтобы научить студентов — будущих режиссеров! — пользоваться ножом и вилкой...

Балерины приходят в класс в раннем детстве. Они начинают с элементарных, самых простых движений, и эти движения, постепенно усложняясь и совершенствуясь, становятся высоким искусством. Тоже так же умение, о котором мы говорим. Умение быть красивой во всем комплексе его проявлений должно закладываться в самом раннем детстве. Пусть вначале это будет самое элементарное — аккуратность, подтянутость, собранность. Никто не скажет, что так из малышки вырастет преждевременная кокетка. А фундамент заложится на всю жизнь.

Именно на всю жизнь, а не до 20—25 лет, как сейчас нередко получается. Смотрите, что происходит: Девушки неукоснительно следят за собой, за своей внешностью, стараются быть как можно более привлекательными. Ими движет могучий стимул — любовь, которая уже пришла или должна прийти завтра.

А потом словно выключается какой-то рубильник. Женщина еще молода годами, полна сил, здоровья, энергична. Но что-то очень существенное в ней угасло. Она не заботится о своем облике. Одета как попало, прическа как придется, распустила в себе все тесемки... Можно подумать, что, выйдя замуж, она выполнила свое основное жизненное предназначение и теперь может спокойно увядать!

Не будем делать вид, будто не знаем, как трудно приходится женщине, если она и работает, и ведет семью. Но все равно мне кажется, что главная беда — не в обилии забот, а в отсутствии потребности быть красивой, сознания того, что это необходимо.

— Что же, по-вашему, нужно сделать, чтобы продлялся век женской красоты?

— Мне кажется, у нас перед глазами великолепный пример — пропаганда здоровья. Куда ни придешь сейчас, с кем ни встретишься в разговор — только о том и слышишь, что полезно, что вредно, как от чего лечиться, что принимать... Да вот, чтобы далеко не ходить: сегодня я несколько минут простояла в очереди в химчистке, и уже узнала, что надо есть побольше овощей (от склероза) и пить сок алоэ с медом (он подпирает кровь)... Никого особенного — журнальная статья, десятиминутная беседа по радио, страничка в отрывном календаре, маленький плакатик — и все вместе они успешно справляются с делом.

Вот так же поставить бы у нас пропаганду красоты. Спокойно, неторопливо, ненавязчиво, не рассчитывая одним ударом порушить всё вейшее, поворачивать общественное мнение к той мысли, что женщина должна быть красива прежде всего для себя, и в пятьдесят лет не меньше, чем в двадцать.

— Но в ближайшем будущем ситуация, видимо, существенно изменится. Те девушки, о которых мы столько сегодня говорили, — над ними можно посмеиваться, их можно даже поругивать, но одного у них не отнимешь: они по-настоящему поняли, что красота — это естественное, каждодневное состояние женщины, а не праздничная к ней добавка.

— А вот живой пример: в нашем молочном магазине, в будочке, где принимают пустую посуду, работает девушка. Кто ее там видит, кроме вечно спешащих хозяек! А она всегда одета и прическа с большим вкусом. Не для кого-нибудь — для себя. Вот что самое ценное!

Надолго ли сохранится это стремление к красоте? Будущее покажет. А хорошо, если сохранится подольше!

Беседу вела Д. АКИВИС.

ГОСТИ НАШИХ ЭКРАНОВ

МОСКВА. В кинотеатре «Москва» состоялась **премьера новой венгерской кинокомедии** «История моей слепоты» режиссера Мартона Кальети. Для встречи со зрителями прибыли автор сценария Миклош Дьярфаши и исполнительница главной роли известная актриса Ева Руткаи. Кроме столицы, премьера нового фильма пройдет сегодня в Минске, куда также приедут венгерские друзья.

ОДЕССА. В шести кинотеатрах города и во Дворце культуры моряков 21 ноября начинается **неделя французского кино**. Зрители снова увидят картины «Нель Форнарина», «Дьявол и десять заповедей», «Стоп, долгое отсутствие», «Новый Дон Жуан», «Баббета идет на войну», «Мадемуазель Нитуш», «Веские доказательства» и другие.

Неделя французского кино проводится не только в Одессе, но и в Киеве, Харькове, Запорожье и Луганске.

Мастер из Польши

В Советском Союзе гостит Тадеуш Гроновски — председатель главного правления Союза польских художников. В Польше его называют Нестором и корифеем плаката, и это не случайно. Его афиши в развитии и пропаганде этого жанра, в том, что польский плакат сегодня так широко известен во всем мире, чрезвычайно велики.

На улице Горького в Москве открыта небольшая выставка работ Т. Гроновского последних лет. Мы публикуем плакат 1958 года «Дни моря».

«ЭСТЕТИКА И ЧЕЛОВЕК»

Так называется открывшаяся вчера в Доме актера творческая конференция, которую проводит московская городская организация общества «Знание» РСФСР, Институт философии АН СССР, ВТО и газета «Советская культура».

Цель ее — обсудить некоторые вопросы теории и практики эстетического воспитания, в том числе создание единой эстетической системы для средней школы и Института эстетического воспитания, который бы координировал и направлял опыт разрозненных пока энтузиастов-практиков.

В творческом обсуждении принимают участие искусствоведы, педагоги, философы.

Сегодня конференция продолжает свою работу.

Советское Кино

«Люди живут дружно» — так называется интервью с режиссером А. Михалковым-Кончаловским, которое открывает очередной номер «Советского кино». Режиссер рассказывает о своей работе над новым фильмом, размышляет о том, каковы должны быть по-настоящему современные картины о жизни нашей деревни.

В номере опубликованы рецензии на фильмы «Красные поляны», «Мы были восемнадцать», «Иду искать» и обзорную программу зарубежных мультипликаций — короткометражек «Суррогат». В «Четырех зарисовках вместо одного портрета» режиссера Театра имени Пушкина О. Ремез рассказывает об актерах театра и кино А. Дунаеве.

Разнообразная информация познакомит читателей с кинематографической жизнью страны, а тоненький «Международный почтальон» расскажет о новых фильмах Болгарии, Венгрии, ГДР, Англии и Италии.

Георгий Мдивани

«ДАЛЕКО на ЗАПАДЕ»

КИНОСЦЕНАРИЙ

[Продолжение. Начало на 3-й стр.]

вверх голову, глядит на куполообразную крышу мельницы с маленькими треугольными окошечками чердака, освещенную лучами заходящего солнца.

Постепенно темнеет, и крыша мельницы вырисовывается уже на фоне лунного неба.

В окошечке чердака начинает мигать свет, словно кто-то кому-то подает сигналы...

На чердаке мельницы, в темноте, стоит старик мельник и осторожно сигнализирует электрическим фонарем.

В БОЛЬШОЙ освещенной комнате с затемненными окнами за круглым столом сидят и ужинают Карпов, Морозов, Майборода и Калашников.

Открывается дверь, и с большим графином воды в руках входит Серго.

При появлении Серго Морозов, Майборода и Калашников почтительно вскакивают с мест, как военные перед командиром.

Серго останавливается посредине комнаты и, не дойдя до стола, бросает назад, на дверь, осторожный взгляд. Повернувшись к столящим у стола инженерам, он недовольно качает головой.

Только Карпов, продолжая сидеть на месте, улыбается, говорит:

— Не сердись... Они испугались, что ты разобьешь об их головы графин. Ты же сумасшедший!

Смущенные Морозов, Майборода и Калашников садятся обратно.

Серго подходит к ним, ставит графин на стол и тянется к сигаретам, лежащим перед Карповым.

В этот момент с улицы раздаются гортанные крики немецких солдат.

Серго быстро выключает свет и, открыв ставню окна, смотрит на улицу. За его спиной становятся четыре его товарища.

Немецкие солдаты, освещая фонариками лестницу, с шумом и криками выволакивают во двор старого мельника.

Мельник, защищаясь, вцепился своими большими руками в горло одного из эсэсовцев.

Эсэсовец ударяет старика ногой в живот. Старик катится вниз по ступенькам лестницы.

Эсэсовец вскидывает автомат и длинной очередью в упор расстреливает мельника.

У темного окна стоят Серго и четверо его товарищей...

Где-то в темноте, прижавшись к окну, стоят, напряженно прислушиваясь, старик и старуха...

В разных домах у затемненных окон прислушиваются жители острова...

Слышатся четкие шаги тяжелых сапог идущих по мостовой эсэсовцев, только что расстрелявших старика-мельника.

Стоит Элен в темноте у окна, с волнением прислушиваясь к шуму шагов эсэсовцев, идущих по темным улицам...

Шаги постепенно стихают. Уже утро.

ПЕРЕД МЕЛЬНИЦЕЙ, на клумбе, кто-то роет могилу. Но кто именно — мы не видим. Мы видим только лопату, выбрасывающую из глубокой ямы землю.

Неподалеку от мельницы стоит Элен. Мы видим ее со спины. Она не решается подойти к могиле.

Элен не знает, кто роет могилу, видит только лопату, выбрасывающую на могилы землю...

Но вот кто-то выбросил из ямы лопату...

Показались большие мужские руки, опершиеся о край могилы...

На лице Элен удивление.

Из ямы вылезает забрызганный грязью, обливающийся потом Серго. Не видя Элен, он устало садится на землю и вытирает со лба пот, отчего его лицо становится еще грязнее.

Вдруг он замечает Элен и, уставившись на нее, медленно приподнимается с земли.

Элен печальными и благодарными глазами смотрит на Серго.

Серго, бросив испуганный взгляд на Элен, оглядывается по сторонам и тихо говорит:

— Идите... Идите домой, Элен!..

— Вас... расстреляют эти звери...

— еле слышно произносит Элен.

[Продолжение следует].

В КОЛЛЕКЦИЮ ФИЛАТЕЛИСТА

19 НОЯБРЯ Министерство связи СССР выпустило в обращение первую марку, посвященную 50-летию Советской власти.

С НОВЫМ ГОДОМ, ГОДОМ 50-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ! Рисунок Лесгерн. Офсет. Гребенчатая зубцовка 12:12½. № 3464. 4 коп.—многоцветная.

На фоне силуэта Московского Кремля и стилизованной цифры «1967» современные средства связи. Текст: «С Новым годом, годом 50-летия Октября!».

Главный редактор Д. Г. БОЛЬШОВ.

Типография газеты «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

Б06719. МНДЕКС 60118 — Зак. № 2914.